

Классификация восточной ветви диалектов группы Минь и реконструкция правосточноминьского 100-словного списка

Статья посвящена исследованию внутренней классификации восточноминьской подгруппы миньской ветви синитической семьи на основании анализа ее базисной лексики; попутно осуществляется попытка реконструировать праязыковое состояние на материале 100-словного списка Сводеша. В результате анализа в восточноминьской базисной лексике удастся не только выделить явный слой австроазиатской лексики, но и обосновать возможное существование архаичного субстрата в современном ареале распространения восточноминьских диалектов, оставившего следы (как минимум) на лексическом уровне. Новое филогенетическое дерево подтверждает распределение на две традиционно принятые подветви (фуниин и хоугуань), основанное на фонетических критериях, но с небольшими отклонениями. Исследование также раскрывает взаимоотношения восточной группы с диалектом путянь, подтверждая его независимый (как от восточных, так и от южных диалектов) статус ввиду отсутствия общих инноваций.

Ключевые слова: диалектология; древнекитайский язык; среднекитайский язык; миньские диалекты; восточноминьские диалекты; диалект путянь; лексикостатистика; базисная лексика.

Введение

Настоящая работа посвящена проблемам лексикостатистического анализа восточных диалектов группы Минь¹ синитической ветви сино-тибетской семьи, распространенных на территориях провинций Фуцзянь и Чжэцзян (КНР), а также во многих странах Юго-Восточной Азии. Она представляет собой логическое продолжение предыдущей работы автора по миньским диалектам (Лоренц 2020), главной целью которой являлось составление аннотированных списков базисной лексики на материале всех существующих ветвей группы Минь и попытка ономазиологической реконструкции аналогичного списка для праминаьского состояния.

Исследование, с одной стороны, подтвердило многослойность лексического фонда изучаемой языковой группы, в котором, помимо предсказуемых параллелей, генетически унаследованных от классического и позднедревнекитайского языка, были обнаружены лексемы, скорее характерные для раннедревнекитайских диалектов, а также потенциальные заимствования из австроазиатской, австронезийской и тай-кадайской семей. Однако решить все проблемы, возникающие в ходе лексикостатистического анализа и основанной на нем филогенетической классификации миньских диалектов, в исследовании не удалось, в первую очередь — ввиду недостаточного объема материала, отобранного по отдельным ветвям миньской группы. Во многом предварительная реконструкция праминаьского списка, приведенная в статье, остается приблизительной, поскольку не использовала в должной степени «ступенчатый» принцип, предполагающий последовательное составление промежуточных списков для отдельных ветвей и уже затем све-

¹ Подробную классификацию см. в LACD 2012: 177–179.

дение их воедино для реконструкции общеминьского состояния. В отдельных случаях нарушение этого принципа может (по крайней мере теоретически) приводить к неучету ареальных связей (например, взаимное влияние территориально близких диалектов, относящихся к генетически разным ветвям), что, в свою очередь, может пагубно сказаться на отборе «оптимальных кандидатов» для реконструкции общеминьского списка. Реально полноценный анализ праминьского состояния возможен только при наличии отдельных праязыковых списков хотя бы по всем тем миньским ветвям, которые надежно (т. е. без существенных противоречий с общепринятыми классификациями и вне зависимости от применяемого метода построения дерева) выделяются на генеалогическом дереве.

Одной из бесспорных и однозначно (вне зависимости от выбранного метода и параметров) выделяющихся ветвей можно считать восточноминьскую (миньдунскую). Она была отобрана в качестве первого звена для применения «ступенчатого» метода реконструкции постольку, поскольку обнаруживает некоторые уникальные лексические особенности. Так, во всех языках-потомках этой ветви сохраняется архаизм раннедревнекитайского и классического древнекитайского (далее по тексту — РДК и КДК соответственно) периодов 'собака' (犬 *k^{hw}ín), который на момент распада праминьской общности (III–IV вв. н.э.) уже был вытеснен (по крайней мере, в общенациональном литературном языке) инновативной лексемой 狗 КДК *kó (что исключает возможность его «восстановления» на общевосточноминьском уровне под влиянием литературного языка). Уже сам по себе этот факт может поставить под сомнение существование миньского единства как такового и задуматься о возможности обособления восточноминьского таксона в самостоятельную диалектную группу уже в классическую эпоху (например, где-нибудь в диапазоне IV–III вв. до н.э.).

Во-вторых, на филогенетическом дереве, полученном в ходе первого этапа нашего исследования при глоттохронологическом анализе данных с помощью компьютерной среды StarLing (рис. 1), были отмечены некоторые странности, плохо согласующиеся с устоявшимися взглядами на аффилиацию восточноминьских диалектов. Так, ближайшим родственником восточноминьской ветви на дереве оказался диалект путянь, что чрезвычайно сомнительно; при добавлении же несколько менее надежных данных по диалектам датянь и юси диалект путянь вообще включается глоттохронологическим алгоритмом внутрь восточной ветви (рис. 2). Решение последней проблемы, впрочем, следует отложить до появления более подробных и надежных лексических данных по датянь и юси (очевидно, что на результаты негативно влияет большое количество лакун в 100-словном списке)², так что в данной работе мы сконцентрируемся исключительно на разрешении проблемы взаимоотношений между восточноминьскими диалектами и путянь.

Исследователями было неоднократно отмечено, что т.н. пу-сяньская подгруппа, включающая в себя диалекты путянь и юсянь, представляет собой отдельную «пограничную» ветвь, которая имеет общие черты как с восточными, так и с южными диалектами Минь, но, согласно общепринятому мнению, эти диалекты на уровне фонетики, лексики и грамматики все же оказываются ближе к южной группе и, скорее всего, отделились от южных диалектов, а уже затем попали под влияние восточных (Cai 2006: 237–239). Видно, однако, что как минимум на уровне первичного, «грубого» лексикостатистического анализа эта концепция не находит однозначного подтверждения и, следовательно, нуждается в более тщательной проверке.

² Диалектологи обычно выделяют эти диалекты в отдельный «пограничный» узел миньской ветви, так как из-за своего географического расположения они находятся под сильным влиянием одновременно центральной, северной, восточной и пусяньской ветвей, поэтому для точной классификации необходимо проводить очень тщательный анализ на уровне субдиалектов (Hou 2002: 240–241; Liu & He 1998: 383).

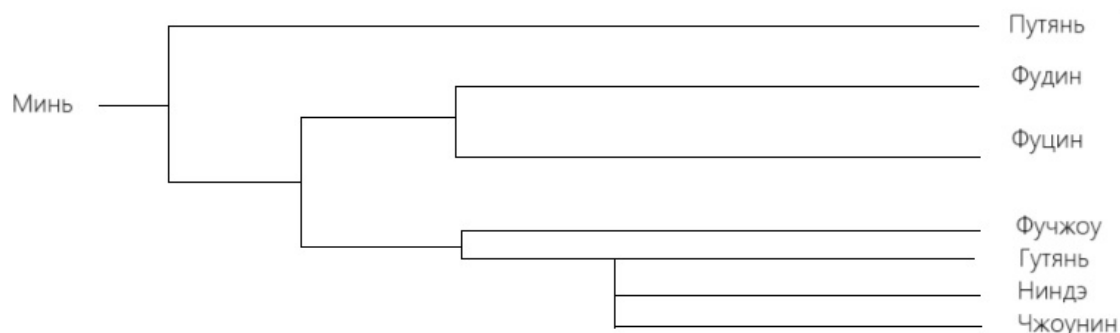

Рис. 1. Классификация восточноминьской ветви с включением диалекта путянь.

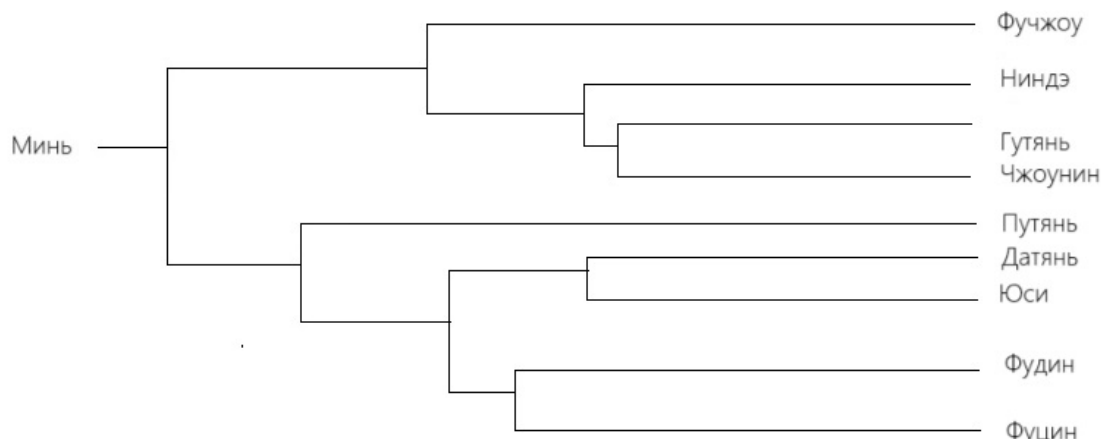

Рис. 2. Классификация восточноминьской ветви с включением диалектов путянь, датянь и юси.

Для того, чтобы максимально надежно определить место восточноминьского таксона внутри (или, ввиду таких уникальных архаизмов, как 'собака', *вне*) миньской общности, а также четко определить границы восточноминьского узла и уточнить внутреннюю классификацию входящих в него диалектов, необходимо составить обновленные и уточненные списки базисной лексики соответствующих диалектов, распространенных на территории провинции Фуцзянь³, а также провести ономаσιологическую реконструкцию аналогичного списка для правосточноминьского состояния (напомним, что в нашей предыдущей работе такая реконструкция — в предварительном порядке — предлагалась лишь для общеминьского состояния, без детального учета данных на промежуточных уровнях). Представляется, что после того, как соответствующий анализ позволит отсечь от рассмотрения всевозможные ареальные инновации, на основании сопоставления полученного прасписка с диалектом путянь и с другими миньскими диалектами можно будет сделать более уверенные выводы об их генетических и ареальных связях.

Предыстория вопроса

Опубликованные на настоящий момент статьи и монографии по диахроническим аспектам восточноминьской ветви, как правило, сфокусированы на вопросах сравнительной фонологии, не уделяя существенного внимания лексической реконструкции.

Прежде всего необходимо отметить краткий обзор наиболее важных общих лексических, фонетических, тональных особенностей пяти восточноминьских диалектов

³ В работу, к сожалению, не удалось включить данные по восточноминьским диалектам провинции Чжэцзян из-за отсутствия подробных источников.

(фучжоу, фуцин, чжэян, фуань, ниндэ) Дж. Нормана (Norman 1977) на основании данных, собранных автором самостоятельно в ходе работы с информантами. В работе также представлен список инициалей и финалей для каждого из этих диалектов и перечень 422 однословных; однако автор концентрируется исключительно на описании данных диалектов, без детального изучения фонетики или лексики.

Первой крупной работой, имеющей отношение к фонологической истории именно восточноминьского региона, является монография А. Хироюки (Hiroyuki 2018), однако она полностью посвящена фонологической реконструкции т.н. диалекта «пра-ниндэ» на основании новейших, ранее не опубликованных данных по диалектам, расположенным в соответствующем округе (их главная особенность — сохранение терминалей *-m/-p*, *-n/-t*, *-ŋ/k*, *-ʔ*). Исследование проводилось на материале словников, собранных самим автором, без подробных лексических комментариев, однако оснащенных небольшим количеством контекстов. Автор реконструирует не только систему инициалей и рифм, но и тональную систему восстанавливаемого им языка; при этом, однако, в работе нет четкого обоснования той идеи, что анализируемые в ней диалекты действительно составляют единый «эксклюзивный» кластер внутри восточноминьской ветви.

Другая работа того же автора (Hiroyuki 2020) посвящена исследованию фонологии и лексики четырех восточноминьских диалектов фуцин, шоунин, фуань и пиннань, чтобы уточнить внутреннюю классификацию изучаемой ветви; в ней же представлена фонологическая реконструкция финалей восточноминьского праязыка. В отдельных случаях А. Хироюки приводит примеры лексической реконструкции с привлечением большого количества сравнительных данных, однако системная реконструкция лексических списков для него не является первостепенной задачей.

Источники и предварительная классификация

По сравнению с работой Лоренц 2020, в которой использовались данные по диалектам фучжоу, ниндэ, гутянь, чжоунин, фуцин и фуцин восточной ветви, для задач данной работы список исследуемых диалектов был значительно расширен. Также в ней исправлены неточности и отдельные ошибки по данным тех диалектов, которые уже были проанализированы ранее. К сожалению, настоящая статья все равно не может учитывать данные всех восточноминьских диалектов, поскольку основными источниками для составления списков служат словники, а из-за большей концентрации внимания к изучению фонетики и грамматики, чем лексики, корректно и детально составленные словники по многим диалектам просто отсутствуют. Ввиду этого в новую лексикостатистическую базу по восточноминьским диалектам из ранее не использованных вошли базисно-лексические данные только по диалектам фуань, шоунин, пиннань, хубэй, сяньцунь и цзюду.

Всего для целей настоящего исследования удалось, таким образом, собрать полноценные списки по 14 диалектам восточноминьской ветви (таблица 1). В качестве основных источников использовались в большей степени словники и в меньшей — словари. Сведения по диалекту путянь в основном базируются на источнике Nakajima 1979, но с некоторыми уточнениями, почерпнутыми из электронного словаря Hinghwa Dialect Digital Dictionary Project (Hinghua yuji) (<https://hinghua.cn/>)⁴.

⁴ Полностью в данной статье список базисной лексики по диалекту путянь не приводится, поскольку использовать его для реконструкции восточноминьского состояния было бы некорректно; к тому же он уже был полностью опубликован в работе Лоренц 2020.

Диалект	Ветвь	Сокращенное обозначение	Источники данных
Гутянь хуа	Фуниин	GTN	Chen & Li 1991; Lin 2002; Liu & He 1998
Ниндэ хуа	Хоугуань	NND	Chen & Li 1991; Lin 2002; Liu & He 1998
Пиннань хуа	Фуниин	PIN	Hiroyuki 2020; Liu & He 1998
Сяньцунь хуа	Хоугуань	XNC	Hiroyuki 2018
Фуань хуа	Фуниин	FUA	Lin 2002; Hiroyuki 2020; Liu & He 1998
Фудин хуа	Хоугуань	FDN	Chen & Li 1991; Liu & He 1998
Фучжоу хуа	Фуниин	FCH	Nakajima 1979; Li & Liang 1994; Liu & He 1998
Фуцин хуа	Фуниин	FQN	Feng 1993; Hiroyuki 2020
Хубэй хуа	Хоугуань	HUB	Hiroyuki 2018
Цзюду хуа	Хоугуань	JDU	Hiroyuki 2018
Чанлэ хуа	Фуниин	CNL	Lin 2002, Liu & He 1998
Чжоунин хуа	Хоугуань	ZHN	Chen & Li 1991; Liu & He 1998
Шоунин хуа	Хоугуань	SHON	Lin 2002; Hiroyuki 2020; Liu & He 1998
Юнтай хуа	Фуниин	YNT	Lin 2002; Liu & He 1998

Таблица 1. Перечень восточноминьских диалектов, учтенных в настоящей работе.

Наиболее широко распространенной внутренней классификацией миньдунских диалектов считается схема, предлагаемая в «Лингвистическом атласе китайских диалектов» (LACD 2012). В атласе предлагаются три фонетических критерия для внутреннего деления миньдунской группы на две подветви — *фуниин* и *хоугуань*:

— все слова ветви *хоугуань*, в которых присутствует медиаль или слогаобразующий гласный *y*, в диалектах ветви *фуниин* соответствуют словам с гласным *i*, например, фучжоу 橋 *kyo*₂, 獻 *hyɔŋ*₄, но фуань 橋 *kiu*₂, 獻 *hiŋ*₄ и т. д.;

— в ветви *хоугуань* финали могут иметь разную фонетическую реализацию в зависимости от тона, однако эта особенность не прослеживается в ветви *фуниин*. Так, например, в диалекте фучжоу финаль *-iŋ* в восходящем тоне (上聲) произносится без изменений (等 *tiŋ*₃), но меняется при следующих тонах: «темный» падающий (陰去) — 鎮 *teiŋ*₄, «светлый» падающий (陽去) — 陳 *teiŋ*₅, «темный» входящий (陰入) — 的 *tei*₆, «светлый» входящий (陽入) — 笛 *ti*₇⁵;

— часть финалей третьего дэна (по классификации среднекитайской фонетики) в диалектах *хоугуань* имеют гласные *i*, *y* там, где диалекты *фуниин* обнаруживают гласные *e*, *a*: 厘 фучжоу *li*₂, гутянь *lie*₂, ниндэ *le*₂, фуань *le*₂, 琴 фучжоу *k^hiŋ*₂, гутянь *k^hiŋ*₂, ниндэ *k^hem*₂, фуань *k^heiŋ*₂ (LACD 2012: 113–114).

Тем не менее, при отборе праязыкового кандидата в нашей ономаσιологической реконструкции мы предпочитаем не опираться априорно на данную классификацию как на установленный факт; скорее, наоборот, необходимо предварительно убедиться в том, работает ли она на лексическом материале. Таким образом, в рамках реконструкции мы не будем стремиться к тому, чтобы в соответствии со «ступенчатым» принципом восстанавливать отдельно формы «пра-фуниин» и «пра-хоугуань».

Следует добавить, что некоторые субдиалекты, локализованные возле г. Фуцин, Фудин, Фуань, согласно данному атласу относятся к *пу-сяньской* ветви, однако при этом

⁵ Противопоставление «светлых» и «темных» тонов в классической китайской фонологии коррелирует с признаком звонкости («светлые» тона) и глухости («темные» тона) у соответствующего начального согласного (инициали).

диалекты, расположенные непосредственно в самих этих городах, все равно относятся к миньдунской ветви.

При работе с источниками по новым восточноминьским диалектам, не учтенным в работе Лоренц 2020, несколько обострилась проблема разграничения между разговорными и литературными вариантами отдельных слов; особенно часто она проявляется на материале диалектов чанлэ, юнтай, фуань, шоунин и пиннань. Нередко в источниках смешиваются литературные и разговорные нормы без каких-либо указаний на то, замещает ли в живом, разговорном, стилистически нейтральном языке «новое» литературное чтение «старое» разговорное (сохраняющееся, например, как стилистически маркированный архаизм). Как правило, литературные чтения в диалектах, появляющиеся под влиянием престижного государственного языка, не вытесняют разговорные; однако не исключены ситуации, не отраженные напрямую в наших источниках, в которых современные носители уже предпочитают использовать литературное чтение вместо разговорного — подобная проблема может быть решена только при работе с информантами.

Наглядным примером смешения разговорных и литературных чтений может служить лексема 'соль', для которой основные источники по ряду диалектов указывают только литературные чтения (CNL *siɛŋ*₂, PIN *siŋ*₂, FUA *siŋ*₂, SHON *siɛŋ*₂); однако при подключении сведений из дополнительного источника Liu & He 1998 обнаруживаются и разговорные чтения: CNL *siɛŋ*₅, FUA *siŋ*₅, SHON *siɛŋ*₅, PIN *siŋ*₅. Не располагая однозначной информацией относительно того, как реально взаимодействуют эти варианты на уровне повседневного общения, мы вынуждены прибегать к одному из двух формалистических решений: (а) либо слепо следовать за основным источником, предполагая, что базовым эквивалентом в соответствующих диалектах служат литературные чтения (и, таким образом, помечать их в лексикостатистической базе как заимствования, выкидывая из подсчетов); (б) либо последовательно обобщать данные из обоих типов источников (там, где они есть), формально помечая оба варианта как взаимозаменяемые синонимы (реально, таким образом, подсчет процентов совпадений будет вестись по разговорным чтениям, т.к. литературные все равно будут маркироваться как заимствования). Чтобы иметь возможность использовать большее количество данных, мы будем в целом придерживаться стратегии (б), за исключением тех случаев, когда «исконно-разговорное» чтение эксплицитно маркируется как стилистически окрашенное.

Разумеется, для целей ономаσιологической реконструкции эта проблема нерелевантна, т.к. при выборе правосточноминьского эквивалента предпочтение в любом случае будет отдаваться «разговорным» (т. е. исконно восточноминьским), а не «литературным» (заимствованным) чтениям. Здесь остается только проблема корректного исторического разграничения между вариантами, которая решается, как правило, на фонетическом уровне (разные слои лексики отражают разные (под)системы фонетических соответствий).

Методология ономаσιологической реконструкции, примененная в данной работе, в целом остается такой же, как и в предыдущей статье Лоренц 2020, поэтому смысла подробно описывать ее здесь нет (см. общие принципы реконструкции прасписков, описанные в работах Kassian et al. 2010, Starostin 2019).

Все древнекитайские и среднекитайские фонетические транскрипции и реконструкции, используемые в настоящей статье, приводятся согласно системе С. А. Старостина (Старостин 1989). Как и в работе Лоренц 2020 по реконструкции общеминьского состояния, в статье также использованы диахронические формы, сконструированные

Г. С. Старостиным (по системе, предложенной С. А. Старостиным) от раннедревнекитайского (РДК) к классическому древнекитайскому (КДК) и далее к позднедревнекитайскому (ПДК) состояниям (Starostin 2019). Правосточноминьские формы, отмеченные звездочкой, реконструированы лично автором статьи в соответствии с сегментными и супрасегментными регулярными соответствиями, характерными для восточноминьских диалектов; подробная таблица фонетических соответствий между инициалами, финалями и тонами учитываемых в настоящем исследовании диалектов приводится в онлайн-приложении к статье, доступном на сайте журнала «Вопросы языкового родства» (jolr.ru/jlr21/lorentz.zip).

Слова, помеченные в списках символом решетки (#), взяты из определенных контекстов или устойчивых сочетаний, внутри которых имеют место тональные сандхи; в таких случаях этимологически ожидаемый тон может отличаться от реально зафиксированного в источнике.

В тех случаях, когда для того или иного диалекта лексема обнаружена только в дополнительном источнике (см. список таких источников в таблице 1), он специально отмечается сокращенно в скобках: Hiroyuki 2020 — (H), Lin 2002 — (LN), Liu & He 1998 — (LH), Li & Liang 1994 — (LL).

При расстановке индексов когнации мы объединяем базовый однослог и композиты, в состав которых входит данный однослог, в одну группу, при этом префигурируемые вариативные компоненты отделяются символом (=), а суффилируемые — символом (-). В рамках стандартного лексикостатистического обсчета данных, основанного на принципе этимологического совпадения корневой морфемы, однослоги и двуслоги (многослоги) засчитываются как лексикостатистические совпадения, так как вариативные компоненты в двуслогах, как правило, выполняют лишь функцию снятия лексической омонимии, а в отдельных (связанных) контекстах могут и просто опускаться. Тем не менее, поскольку информация о морфемном составе той или иной сложной основы все же может быть в отдельных случаях релевантной для классификации, при публикации списков мы все же стратифицируем наблюдаемые варианты, выделяя основы, расширенные за счет вариативных компонентов, в отдельные подгруппы (например, ‘ухо’: а — {耳} FCH ηai_6 , a.1 — {耳囟} FQN ηi_4 -(k)ian η_2).

Большинство лексем, претендующих на статус правосточноминьского (далее — ПВМ) эквивалента того или иного значения из 100-словного списка Сводеша, оснащены этимологическими и фонетическими комментариями, обосновывающими соответствующий выбор. Исключение — случаи, когда все или подавляющее большинство восточноминьских рефлексов отражают один и тот же древнекитайский этимон.

Сравнительный список базисной лексики восточноминьских диалектов

1) «all/все»: {都} FCH tu_{u_1} , HUB tu_{u_1} , XNC tu_{u_1} , JDU tu_{u_1} , FQN tu_{u_1} (H), SHON tu_{u_1} (H), FUA tu_{u_1} (H), PIN tu_{u_1} || ПВМ {都} $*tu_{u_1}$

Основной КДК корень 皆 $*kr\bar{a}j$ со значением ‘все’ очевидно был вытеснен инновативным корнем ПДК 都 $*t\bar{a}$ уже на общеминьском уровне; он же, по-видимому, сохраняется и на ПВМ уровне (Starostin 2019: 171–172; Лоренц 2020: 131).

2) «ashes/пепел»: а) {火灰~火焮} FCH $hui_2=u_1$ (LL), GTN $xuo_{i_4}=u_1$, NND $x\o_{y_3}=xu_{u_1}$, ZHN $huai_3=u_1$, FDN $xuo_{i_3}=xu_{u_3}$, CHL $xui_2=u_1$, FQN $uo_{i_4}=u_1$, YNT $uo_{i_3}=u_1$, FUA $hui_4=u_1$, SHON $xuo_{i_4}=u_1$; а.1) {灰} HUB xu_{u_1} , JDU hu_{u_1} || ПВМ {火焮} $*hui_3=hu_{u_1}$

Старый КДК корень 灰 **māj* в форме однослога не зафиксирован ни в одном источнике по ВМ, кроме словаря Накадзимы, где дается форма FCH *hui*₁ {灰}⁶ (Nakajima 1979: 10; Starostin 2019: 165).

По данным словаря фучжоуского диалекта 灰 *hui*₁ передает значение ‘известь’, а композит {火灰} *hui*₂=*u*₁ — ‘пепел’ (Li & Liang 1994: 145–146). Важно добавить, что в диалекте FQN 灰 *huoi*₁ также передает значение ‘известь’ (Feng 1993: 170). Аналогичная информация для этой же лексемы указывается А. Хироюки для XNC, FUA (Hiroyuki 2018: 320; Hiroyuki 2020: 645).

В словнике Линь Ханьшэн по диалектам FCH, CNL, FQN, YNT, FUA, NND, SHON, ZHN, FDN слова ‘пепел’ нет, зато обнаруживается бином 火焮, который для всех диалектов маркируется со значением 草木灰 ‘зола для удобрений’, при этом второй иероглифический знак заменен (Lin 2002: 40). Иероглифический знак 焮 (СК *xəw*), используемый для записи второго слога, в литературных памятниках отсутствует; впервые он упоминается в среднекитайском словаре рифм Цзюнь (集韻) как региональное слово в узких диалектах. Однако иероглиф 灰 продолжает использоваться для передачи инновативной лексемы.

Реконструкцию первого слога см. ниже (‘fire/огонь’).

Мы предполагаем, что КДК этимон был заменен на ПВМ уровне с полисемичным значением ‘зола/пепел’ (поскольку КДК терминали с конечным *-*j* обычно реализуются в ВМ с конечным -*i*, т. е. зафиксированные формы не могут отражать КДК 灰 **māj*). На ПВМ уровень в статусе основного эквивалента выносятся бином {火焮} **hui*₃=*hu*₁, ввиду того, что в большинстве языков-потомков зафиксирована именно биномиальная форма. Усечение инициали у второго слога в большинстве диалектов является закономерной особенностью, вызванной фонетическими изменениями в миньдунских диалектах на стыке слов (см. этимоны ‘огонь’, ‘облако’ ‘хороший’, в которых инициаль *h*- в односложных лексемах хорошо сохраняется).

3) «bark/кора»: FCH *ts^hiu*₅=*p^hui*₂ {樹皮} || ПВМ {樹皮} **ts^hiu*₅=*p^hui*₂

Слово ‘кора’ фиксируется только в диалекте FCH, однако, исходя из данных внешнего сравнения, можно предположить, что и на ПВМ уровне, как в других миньских диалектах, также был представлен бином 樹皮 (Лоренц 2020: 131), букв. ‘дерева-кожа’. О фонетических особенностях этих корней см. ниже комментарии к этимонам ‘дерево’ и ‘кожа’.

4) «belly/живот»: {腹肚~腹老} FCH *pu*₆=*lo*₃, GTN *pu*₇=*lu*₃, NND *pok*₇=*lu*₃, HUB *pu*₆=*lu*₃, XNC *po*₇=*lou*₃, JDU *pu*₇=*lu*₃, ZHN *pu*₇=*lu*₃, FDN *pu*₇=*lu*₃, FQN *pu*₇=*lo*₂, CHL *pu*₅=*lo*₃, YNT *pu*₇=*lo*₃, FUA *puk*₆=*lu*₃, SHON *pu*₇=*lo*₃, PIN *puk*₆=*tu*₃ || ПВМ {腹肚} **puk*₆=*tu*₃ ~ **puk*₆=*lu*₃

По всей миньдунской ветви видно сложение двух лексем — архаичной 腹 КДК **puk* и инновативной 肚 КДК **dá* с общим значением ‘живот’. Следует добавить, что 肚 появляется только в поздних миньских литературных памятниках, предположительно с исходным значением ‘желудок’ (Starostin 2019: 167). Непосредственно значение ‘живот’ в литературных памятниках появляется только с эпохи Тан. В диалекте FQN у лексемы 肚 также сохраняется значение ‘желудок’, но не в автономной форме 腸肚 *təŋ*₂=*to*₅ (Hiroyuki 2020: 707).

Данные показывают, что терминаль -*k* в лексеме 腹 **puk* в большинстве диалектов не сохранилась, а трансформировалась в гортанную смычку, что, вероятно, вызвано сандхи на стыке слов. Однако следует принимать во внимание, что в трех фонетически архаичных диалектах NND, FUA, PIN сохраняется терминаль -*k*, что доказывает присутствие этой тер-

⁶ Согласно данным Macklay & Baldwin 1898: 334, разговорным вариантом для слова ‘пепел’ в фучжоуском диалекте является именно *hu*₁, а *hui*₁ — литературным. Возможно, вариант, представленный в источнике Накадзимы, ошибочен.

минали на праязыковом уровне. Найденный в диалектах HUB, XNC, JDU однослог 腹 также фиксируется с терминалью *-k* (*puk*₇), что подтверждает нашу гипотезу (Hiroyuki 2018: 316).

Данные также показывают любопытную ассимиляцию на стыке двух морфем, в результате которой инициаль *t-* в морфеме 肚 переходит в *l-*, что представляет собой специфически восточноминьскую черту. Акитани Хироюки в своей работе по диалекту праиндэ описывает некоторые изменения в потоке речи инициали второго слога: так инициали *t-*, *th-*, *θ-* во втором слоге фонетически реализуются как *l-*, если после первого слога идет гортанная смычка (Hiroyuki 2018: 27); по-видимому, этот закон актуален и для большинства остальных восточноминьских диалектов. Тем не менее, в списках слов по миньдунским диалектам, составленных Линь (Lin 2002: 59), обнаружены примеры отсутствия такого фонетического изменения на стыке слов, например: GTN *pu?*₇=*ty*₃ {腹肚}, FDN *pu?*₆=*tu*₃ {腹肚}. Малоупотребительный однослог 肚 в диалектах HUB *tu*₃, XNC *to*₆ также сохраняет инициаль *t-* (Hiroyuki 2018: 472).

Из сопоставления всех этих данных можно сделать вывод, что, хотя ассимиляция произошла не повсеместно, на ПВМ этапе переход **t-* → **l-* в подобного рода контекстах уже начался хотя бы на уровне отдельных говоров. По этой причине мы предлагаем восстанавливать на ПВМ уровне диалектное варьирование **puk*₆=*tu*₃ ~ **puk*₆=*lu*₃.

5) «big/большой»: {大} FCH *tuai*₆, GTN *tuai*₆, NND *tu*₆, HUB *tu*₆, XNC *tu*₆, JDU *tu*₆, ZHN *tu*₆, FDN *tu*₆, FQN *tu*₅, CHL *tuai*₆, YNT *tuai*₆, FUA *to*₆, SHON *tu*₆, PIN *tuai*₆ || ПВМ {大} **tuai*₆

6) «bird/птица»: а) {鳥~爪} FCH *tseu*₂, NND *tsiu*₃, FDN *tseu*₃, FQN *tseu*₂, CNL *tseu*₃, FUA⁷ *tso*₃, SHON *tseu*₃, PIN *tseu*₃; а.1) {爪~隻} GTN *tsiu*₃-*ian*₃, ZHN *tsi*₄-*en*₃, YNT *tsiu*₃-*ian*₃, HUB *tfiu*₃-*ian*₃, XNC *tçiu*₃-*ian*₄~*tçiu*₃-*uan*₄, JDU *tçiu*₃-*uan*₃ || ПВМ {鳥} **tseu*₃

По всей видимости, старый КДК этимон 鳥 **tʰw*, несмотря на нерегулярное развитие инициали **t-* → *ts-* вместо сохранения дентального согласного перед старым долгим гласным, стабильно продолжает использоваться в миньдунских диалектах. Подобная ситуация наблюдается и в остальных диалектах миньской группы (см. Лоренц 2020: 132). Мы склоняемся к реальности этимологической связи между КДК этимоном и ВМ лексемой по ряду причин. Во-первых, тон и финаль данной лексемы регулярно отражаются во всех ВМ диалектах. Во-вторых, нерегулярные изменения инициали у слова 'птица' зафиксированы по всему синитическому ареалу (ср. абсолютно нерегулярную носовую инициаль в совр. мандаринском *niǎo*). В-третьих, никаких убедительных альтернативных этимологий для миньской лексемы 'птица' на данный момент не обнаружено.

По-видимому, ввиду неочевидности этимологической связи между 鳥 СК *tiew* и миньскими формами, 'птица' в миньской орфографии часто записывается знаками 爪 (КДК **crú*) 'когти' и 隻 (КДК **tek*) 'один из пары', подобранными по принципу фонетической (и семантической) близости (Лоренц 2020: 133).

В диалектах GTN, ZHN, YNT базовым эквивалентом значения 'птица' оказывается двусложный вариант с диминутивным суффиксом 囡 (СК *kén*) 'сын, ребенок', который в литературных китайских памятниках отсутствует и появляется только в среднекитайских словарях. Норман и Мэй считают, что эта лексема была заимствована из австроазиатских языков, где она достаточно широко распространена: ср. кхмерский *koun*, монский *kon*, бру *kəp*, чонг *kheen* и др. (Norman & Mei 2000: 486). Употребление этого суффикса также замечено в южноминьских диалектах (Лоренц 2020: 132–133). Тем не менее, судя по ограниченной дистрибуции данного варианта, он представляет собой ареальную инновацию, и на ПВМ уровень следует выносить односложную форму **tseu*₃, продолжа-

⁷ Хироюки указывает для диалекта фуань форму 雀囡 *tʃi?*₆-*jiw*₃ ~ *tʃi*₄-*jiw*₃ (Hiroyuki 2020: 674).

ющую КДК 鳥 *tíw с нерегулярным развитием инициали (точнее, нерегулярным сокращением долготы гласного, обусловившего палатализацию).

7) «**bite/кусать**»: {咬~齧} FCH ka₆, HUB ka₅, XNC ka₅, JDU ka₅, FQN ka₅, SHON ka₅ (H), FUA ka₅ (H), PIN ka₅ || ПВМ {咬} *ka₅

Мы наблюдаем здесь лексическую замену уже на общеминьском уровне, так как ни один из эквивалентов базового значения ‘кусать’, представленных в КДК текстах (齧 *ŋ^hēt, 噬 *dač), не представлен в изучаемых диалектах (Starostin 2019: 171; Лоренц 2020: 133). Напрямую связывать зафиксированные формы с более поздней (ханьской) инновацией 咬 (КДК *ŋ^hrǎw) трудно по двум причинам: (а) дополнительных примеров развития КДК инициали *ŋ^h- в инициаль k- в миньских диалектах не обнаружено; (б) лексема 咬 относится к тональной категории 上聲 (восходящий тон), в то время как наши данные отражают тональную категорию 去聲 (падающий тон) по всей миньдунской ветви.

По мнению А. Шюсслера, миньская основа может иметь тайское происхождение, ср. сиамский k^hiau₃, по-ай čeeu₃, лао k^hiau₃, диой kiau₁ и др. (Schuessler 2007: 560; по данным Li 1977: 199, 201 реконструируется *giau.C).

8) «**black/чёрный**»: {烏} FCH u₁, GTN u₁, NND u₁, HUB u₁, XNC u₁, JDU u₁, ZHN u₁, FDN uo₁, FQN u₁, CNL u₁, YNT u₁, FUA ou₁, SHON u₁, PIN u₁ || ПВМ {烏} *u₁

Базовый КДК этимон 黑 *ŋǎk, очевидно, заменился уже в ПМ на инновативный корень 烏 *ʔā (с исходным значением ‘ворона’) и с производными значениями ‘темный, черный’; следов старой КДК основы не обнаружено ни в одном диалекте (Starostin 2019: 162; Лоренц 2020: 133).

9) «**blood/кровь**»: {血} FCH haik₆, GTN xei₇, NND xet₇, HUB xet₇, XNC hek₇, JDU het₇, ZHN xet₇, FDN xe₇, FQN he₇, CNL haik₇, YNT hei₇, FUA heik₇, SHON hek₇, PIN xei₇ || ПВМ {血} *het₇

10) «**bone/кость**»: {骨} FCH kouk₆, FQN ko₆, SHON kǎ₆ (H), FUA kǎ₆ (H), PIN kǎ₆, HUB kǎ₆, XNC kǎ₆, JDU kǎ₆ || ПВМ {骨} *kǎ₆

Непосредственно слово ‘кость’ в ряде источников отсутствует, при этом корневая морфема ‘кость’ очевидно входит в состав слова ‘ребро’: 肋排骨 FCH lɛ₂ pɛ₂ vu₆, CNL lei₂ pɛ₂ ɔuk₆, FQN løy₇ teu₄ o₆, YNT løy₇ pɛ₅ ou₆, GTN lei₄ pɛ₄ ouk₆, FDN le₆ pɛ₂ ko₆; 排骨 FUA pɛ₂ ɔuk₆, NND pɛ₂ ɔk₇, SHON pɛ₂ kǎ₆ (Lin 2002: 57).

Таким образом, отчетливо видно, что по крайней мере как корневая морфема старый этимон 骨 КДК *kwǎt сохраняется во всех ВМ диалектах. Информации о возможном замещении его в базовом значении ‘кость’ какими-то другими основами в имеющихся у нас данных также нет.

11) «**breast/грудь**»: а) {心肝頭} FQN siŋ₁=ŋaŋ₁=t^hau₂, YNT siŋ₁=ŋaŋ₁=t^hau₂, GTN siŋ₁=ŋaŋ₁=nau₂ (LN), FUA sim₁=maŋ₁=nau₂, SHON siŋ₁=ŋaŋ₁=t^hau₂, ZHN θin₁=ŋaŋ₁=nau₂ (LN), FDN θin₁=kan₁=nau₂ (LN), а.1) {心肝} FCH θi₁-ŋaŋ₁, CNL siŋ₁-ŋaŋ₁, NND θim₁-maŋ₁ || ПВМ {心肝頭} *siŋ₁=ŋaŋ₁=nau₂

Рефлексы КДК основы 胸 *ŋoŋ в ВМ диалектах не обнаружены. Вместо нее наблюдается метонимическая инновативная форма 心肝頭, букв. ‘голова сердца и печени’, или ее сокращенный вариант 心肝, букв. ‘сердце и печень’, который, вероятно, является вторичным сокращением трехсложной формы (Starostin 2019: 166; Лоренц 2020: 134). В литературных китайских памятниках это сочетание появляется только начиная с эпохи Сун, либо в буквальном значении ‘сердце и печень’, либо в переносном ‘чуткость, истинные чувства’ (HYDC VII: 376).

КДК корень 心 *səm ‘сердце’ регулярно реализуется в диалектах миньдун как siŋ₁ с «темным» ровным тоном (陰平). На стыке первой и второй морфем, восходящей к КДК

корню 肝 **kān* ‘печень’, происходит ассимиляция, в результате которой глухой веллярный *k-* в инициали второго корня переходит в назальный *m-, n-, ŋ-* под влиянием назальной терминали первого корня (Hiroyuki 2018: 29). (В соответствующей односложной лексеме инициаль *k-* сохраняется; см. ниже разбор лексемы ‘печень’). Аналогичная ситуация с ассимиляцией наблюдается и у последней морфемы ‘голова’ КДК 頭 **dʰō*, где в большинстве представленных примеров инициаль *tʰ-* развивается в *n-* под влиянием назальной терминали второго компонента.

Поскольку в большинстве диалектов представлена трехсложная, а не двусложная основа, мы предполагаем, что двусложная возникает уже на уровне отдельных диалектов как результат разговорного сокращения и предлагаем вывести на прауровень форму {心肝頭} **siŋ₁=ŋaŋ₁=nau₂* (ассимилировано ← **siŋ₁=kaŋ₁=thau₂*).

12) «burn/жечь»: {燒} FCH θiu₁, GTN siu₁, NND siu₁, HUB θiəu₁, XNC θiu₁, JDU siu₁, ZHN siu₁, FDN sieu₁, FQN θiu₁, FUA θiu₁ (H), SHON siu₁ (H), PIN seu₁ || ПВМ {燒} **siu₁*

Мы констатируем факт лексической замены КДК этимона 焚 **bən* → 燒 КДК **ŋew* уже на общеминьском уровне по причине отсутствия этимона 焚 **bən* во всех ветвях Минь (Starostin 2019: 167; Лоренц 2020: 134).

13) «claw (nail)/ноготь»: а) {指甲} FCH tsien₁=ŋak₃, GTN tsien₃=kaʔ₆, NND tsien₃=ka₆ (LN), FDN tsien₃=kaʔ₆, FUA tsien₃=kaʔ₆ (H), SHON tseiŋ₁=kaʔ₆ (H), PIN tsien₃=ŋak₆, HUB tʃin₆=ŋap₇, XNC tʃin₃=ŋap₇, JDU tʃin₆=ŋap₇, a.1) FQN {手掌甲} tsʰiu₃=tsien₃=ŋaʔ₆ || ПВМ {指甲} **tsien₃=kap₆*

Этимон 爪 **crūʔ*, передающий искомое значение в КДК, не встречается в миньской группе; на ПВМ уровне, как и в других миньских ветвях, вместо него представлена инновативная лексема КДК 甲 **krāp* ‘твердая оболочка, панцирь, щит’ (Starostin 2019: 168; Лоренц 2020: 134–135). Данные показывают, что употребляется она исключительно в составе биномов, причем в большинстве случаев расширяющим элементом является морфема **tsien₃*, которую — с некоторыми оговорками — допустимо возводить к КДК основе 指 **kij* ‘палец’.

Последняя имеет в ВМ диалектах и «обычный» рефлекс с нулевой терминалью, ср. собственно этимон ‘палец’: FCH 趾指 tshien₃ zai₃, CHL tsʰien₃ zai₃, YNT tsien₃ zai₃, GTN tsien₄ zai₅, FQN 手趾指 tsʰiu₂ zien₂ tsai₃ (Lin 2002: 59) ← ПВМ **tsai₃*. Из-за столь значительного расхождения с морфемой в составе сложной основы ‘ноготь’ последнюю при иероглифической записи диалектных форм часто передают через иероглиф 掌 **tán* ‘ладонь’; однако это скорее чистая условность, за которой не стоит этимологическая реальность, поскольку КДК финаль **-áŋ* не дает в ВМ диалектах рефлекс *-iŋ*; к тому же маловероятным представляется семантическое развитие ‘покрыв/панцирь ладони’ → ‘ноготь’ (в отличие от ‘панциря пальца’).

Учитывая, что инициаль **ts-* и восходящий тон, присущие первому слогу (в диалектах FCH и SHON «темный» ровный тон 陰平 мог проявиться в результате тональных сандхи), полностью совпадают с основным ВМ ‘пальцем’, можно допустить на ПВМ уровне развитие **tsien₃=kap₆* ← **tsij₃=kap₆* с нерегулярной (контекстно обусловленной?) назализацией терминали. Что касается второго компонента, то здесь надежно восстанавливается терминаль **-p* по данным диалектов HUB, JDU, XNC. Уже после распада ВМ общности в ряде диалектов (FCH, FQN, PIN и др.) запускается процесс ассимиляции **tsien₃=kap₆* → **tsien₃=ŋap₆*.

14) «cloud/облако»: а) {雲} GTN xun₂, NND xon₂, HUB xon₂, XNC hon₂, JDU hon₂, ZHN xon₁, FDN xun₂, FQN hun₁, SHON xun₂ (H), FUA houŋ₂ (H), PIN xɔun₂ (H); a.1) {雲彩} FCH un₂-tsʰai₄ || ПВМ {雲} **hun₂*

15) «cold/холодный»: а) {寒} FCH kan₂, GTN kan₂, NND kan₂, HUB kan₂, XNC kan₂, JDU kan₂, ZHN kan₂, ZHN kan₂, FDN kan₂, SHON kan₂ (H), FUA kan₂ (H), PIN kan₂ (nœŋ₀), б) {靚~清} FCH ts^heiŋ₄, GTN ts^heiŋ₄, NND ts^heiŋ₄, HUB t^heiŋ₄, XNC ɸin₄, JDU t^heiŋ₄, ZHN ts^hen₄, FDN ts^heiŋ₄, FQN ts^heiŋ₅, PIN ts^heiŋ₄ || ПВМ {寒} *kan₂ и {靚} *ts^heiŋ₄

Во всех диалектах, кроме FQN, представлен не только архаичный корень 寒 ҚДК *gān, но и инновационный корень 靚 ҚДК *shēŋh, четкую семантическую разницу между которыми установить не удастся. Важно отметить, что подобные синонимичные пары встречаются и в остальных ветвях диалектной группы (Лоренц 2020: 135).

Лексема 靚 *shēŋh, согласно сведениям из словаря рифм «Цзи юнь» 集韻, была употребительной в южных регионах Чу и У, но в литературных памятниках не встречается. (Впрочем, согласно мнению Дж. Нормана, зафиксированное в литературном памятнике V в. н.э. 世說新語 «Шишо синьюй» редкое слово СК 淘 *châiŋ* ‘холодный’, представляет собой графическую разнопись 靚, см. Norman 1983: 207–208). Вероятно, эта основа представляет собой ареальную инновацию, но на ПВМ уровень она выносится вполне уверенно как старый синоним более архаичного 寒 *kan₂.

16) «come/приходить»: {來} FCH li₂, GTN li₂#, NND lɛ₂#, HUB lei₂, XNC lei₂, JDU lei₂, ZHN le₂#, FDN li₂#, FQN li₁, FUA lei₂ (H), SHON li₂ (H), PIN le₂ || ПВМ {來} *li₂

17) «die/умирать»: {死} FCH θi₃, GTN si₃, NND si₃, HUB θi₆, XNC θei₃, JDU si₆, ZHN si₃, FDN si₃, FQN si₃, FUA θi₃, SHON si₃, PIN si₃ || ПВМ {死} *si₃

18) «dog/собака»: {犬} FCH k^hien₁, GTN k^heiŋ₄#, NND k^hɛŋ₃#, HUB k^hen₃, XNC k^hen₃, JDU k^hen₃, ZHN k^hen₃#, FDN k^hen₅#, FQN k^hen₃, CNL k^heiŋ₃#, YNT k^heiŋ₃#, FUA k^heiŋ₄#, SHON k^hen₃#, PIN k^heiŋ₃ || ПВМ {犬} *k^hɛŋ₃

Родовой термин для передачи значения ‘собака’ 犬 ҚДК *k^{hw}ɛŋ, характерный только для ҚДК и РДК, употребляется во всех диалектах миньдун и является исключительной особенностью данной ветви, так как в остальных ветвях используется инновативная лексема 狗 ҚДК *k^o, возможно, исходно заимствованная из южных языков для обозначения видов собак, применимых в гастрономии (Starostin 2019: 169–170; Лоренц 2020: 136). Следует добавить, что на предполагаемый момент распада праминьской общности (III–IV в. н.э.) слово 狗 *k^o в литературном китайском языке уже вытеснило из употребления старую основу 犬 *k^{hw}ɛŋ.

19) «drink/пить»: а) {食} FCH sie₇, GTN sia₇, NND sia₇, ZHN sie₇, HUB θie₇⁹, XNC ɸie₇, JDU ɸie₇, FDN sia₇, FQN sia₇, CNL sie₇, YNT sie₅, FUA sie₇, SHON sia₇, PIN se₇?; б) {啜} FCH ts^hyok₆ || ПВМ {食} *sia₇

ҚДК этимон 飲 *ʔɛt ‘пить’ в требуемом значении не проявляется в ВМ диалектах и, очевидно, был рано вытеснен полисемичным корнем 食 ҚДК *lak со значениями ‘есть’, ‘пить’, ‘курить’. Подобное единение значений ‘есть’ и ‘пить’ является общеминьской инновацией и, вероятно, произошло под влиянием соседних чжуан-тайских языков, где эти значения выражаются одной и той же лексемой (Starostin 2019: 170; Лоренц 2020: 136). При этом, однако, старая лексема 飲 во всех миньских диалектах кроме центральной вет-

⁸ Данная лексема впервые появляется в письменных текстах в V–III вв. до н. э. и замещает старую основу 犬 уже в начале эпохи Хань (III в. до н.э. — II в. н.э.; Starostin 2019: 169–170).

⁹ Акитани Хироюки (Hiroyuki 2018, 2020) вместо 7 тонов выделяет во всех восточноминьских диалектах 8 из-за расщепления «светлого» падающего тона (陽去) на 陽去a и 陽去b в результате тональных сандхи. Из соображений экономности мы в данной работе оставляем систему из 7 тонов.

ви развивает именное значение 米湯 ‘рисовый отвар, рисовый суп’, например: FCH $a\eta_3$, GTN $a\eta_3$, сямэньский am_3 , цзяньоуский $ai\eta_3$ и др. (Hiroyuki 2018: 538; Cheng & Li 1991: 25).

Накадзима в качестве основного глагола ‘пить’ для фучжоуского диалекта указывает лексему 啜 $ts^h\eta_6$ с дополнительным значением ‘отхлебнуть; потягивать’, восходящую к ханьскому корню $*t^w\alpha t$ (записывается также как 𪗇) ‘пить, есть, отхлебнуть, потягивать’ (Nakajima 1979: 141; Schuessler 2007: 198). Ли и Лян указывают этот корень в качестве синонимичной основы исключительно для значения ‘пить’, таже отмечая дополнительное значение ‘пить большими глотками’ (Li & Liang 1994: 55, 405). Эта основа также широко представлена в южной, центральной, цюньвэньской, шао-цзянской ветвях (Лоренц 2020: 136); тем не менее, на ВМ уровне она выглядит как очевидная семантическая инновация.

20) «dry/сухой»: {焦~ 焦~ 涸} FCH ta_1 , GTN ta_1 , NND ta_1 , HUB ta_1 , XNC ta_1 , JDU ta_1 , ZHN ta_1 , FDN ta_1 , FQN ta_1 , CNL ta_1 , FUA ta_1 , YNT ta_1 , SHON ta_1 || ПВМ {焦} $*ta_1$

КДК этимон 乾 $*g^h\alpha n$, по всей видимости, был вытеснен инновативным корнем $*ta_1$ уже на ПМ уровне, так как он не представлен ни в одном диалекте изучаемой диалектной группы (Starostin 2019: 162; Лоренц 2020: 137). При записи данной лексики чаще всего используются иероглифические знаки 焦 или 焦, которые обычно передают семантику ‘горелый’, при этом непосредственно слово ‘горелый’, восходящее к другому корню, также записывается этим знаком: HUB $tʃi\alpha_1$, JDU $tʃi\alpha_1$ (Hiroyuki 2018: 306).

А. Шюсслер предполагает, что миньская лексема ‘сухой’ является заимствованием и этимологически связана с правьет-мыонгским корнем $*traw$ с тем же значением (Schuessler 2007: 308); убедительных этимологических гипотез, в рамках которых слово могло бы объясняться как исконно китайское, нет.

21) «ear/ухо»: а) {耳} FCH ηi_6 , GTN ηi_6 (LH), NND $\eta e i_6$ (LH), HUB $\eta e i_3$, XNC $\eta e i_5$, JDU $\eta e i_3$, ZHN ηe_6 (LH), FDN ηi_5 , CNL $\eta e i_6$, а.1) {耳} FQN ηi_4 -(k) $\eta i\alpha_2$, YNT ηi_1 - $\eta i\alpha_3$, PIN ηe_5 - $\eta i\alpha_3$, а.2) {耳} FUA ηi_6 - $l\alpha_3$, SHON ηi_6 - $l\alpha_3$ || ПВМ {耳} $*\eta i_6$

КДК этимон 耳 $*n^h\alpha$ уверенно сохраняется во всей ВМ ветви, но в некоторых случаях расширяется до статуса бинома. Так, в диалекте FQN вторым компонентом является (k) $\eta i\alpha_2$ ← СК 囡 $*k\acute{\eta}n$ ‘ребенок’ (см. комментарий к ‘птице’). В двух других диалектах FUA и SHON употребляется морфема СК 梛 $l\acute{\alpha}w$ ‘корзина’, которая в литературных памятниках встречается только начиная с эпохи Тан.

Следует добавить, что у данного слова во всех диалектах есть литературное чтение ηi_3 с восходящим тоном (上聲) (Liu & He 1998: 489–490). Исходя из этих данных, мы предполагаем, что литературные чтения в диалектах GTN, NND, ZHN по источнику Chen & Li 1991 указаны вместо разговорных, и исправляем по источнику Liu & He 1998. Весьма вероятно также, что и по диалектам HUB, JDU указаны литературные чтения вместо разговорных.

22) «earth/земля»: {塗~ 塗~ 土} FCH $t^h\alpha_2$, GTN $t^h\alpha_2$, NND $t^h\alpha_2$, HUB $t^h\alpha_2$, XNC $t^h\alpha_2$, JDU $t^h\alpha_2$, ZHN $t^h\alpha_2$, FDN $t^h\alpha_2$, FQN $t^h\alpha_2$, CHL $t^h\alpha_2$, YNT $t^h\alpha_2$, FUA $t^h\alpha_2$, SHON $t^h\alpha_2$, PIN $t^h\alpha_2$ || ПВМ {塗} $*t^h\alpha_2$

Здесь налицо лексическая замена: КДК 土 $*t^h\alpha$ → 塗 (КДК $*L^h\bar{\alpha}$) (а) ‘глина’; (б) ‘(невысокая?) дорога’ как на ПМ уровне, так и на общеминьском уровне см. (Starostin 2019: 172; Лоренц 2020: 137–138), так как во всех примерах присутствует глухая придыхательная инициаль в сочетании со вторым тоном, что указывает на наличие звонкой придыхательной инициали на ПМ уровне. В южных и восточных диалектах эта лексема обычно передает значение ‘глиняная земля’.

В качестве основного иероглифического знака для записи этого слова используется КДК 塗 $*L\bar{\alpha}$ ‘грязь, глина; дорога’, а также иногда встречается знак КДК 土 $*t^h\alpha$ ‘земля’.

23) «eat/есть»: {食} FCH sieʔ₇, GTN siaʔ₇, NND siaʔ₇, HUB θieʔ₇, XNC ɕieʔ₇, JDU ɕieʔ₇, ZHN sieʔ₇, FDN siaʔ₇, FQN sia₇, CNL sieʔ₇, YNT sieʔ₅, FUA siek₇, SHON siaʔ₇, PIN seeʔ₇ || ПВМ {食} *siak₇

См. лексический разбор выше ('пить').

24) «egg/яйцо»: {卵} FCH louŋ₅, GTN louŋ₅, NND louŋ₅, HUB louŋ₅, XNC louŋ₅, JDU louŋ₅, ZHN louŋ₅, FDN louŋ₅, FQN louŋ₅, CHL louŋ₅, YNT louŋ₅, FUA louŋ₅, SHON louŋ₅, PIN louŋ₅ || ПВМ {卵} *lon₅

25) «eye/глаз»: {目珠} FCH møyk₇-tsiu₁, GTN meiʔ₆-tsiu₁, NND muʔ₇-tsiu₁, HUB mit₇-tʃiu₁, XNC muk₇-tʃiu₁, JDU mit₇-tʃiu₁ ~ muk₇-tʃiu₁, ZHN miʔ₇-tsiu₁, FDN muʔ₇-tsiu₁, FQN møyʔ₇-tsiu₃, CNL meiʔ₇-tsiu₁, YNT meiʔ₇-tsiu₁, FUA mik₇-ʒiu₁, SHON muʔ₁-tsiu₁, PIN muk₇-tsiu₁ || ПВМ {目珠} *muk₇-tsiu₁

КДК этимон 目 *m^huk 'глаз' стабильно сохраняется во всех миньдунских диалектах, но в расширенной до биннома форме (с помощью морфемы КДК 珠 *to 'жемчужина').

Необычной особенностью представленной основы является нерегулярное развитие КДК гласного *и в гласные верхнего подъема -i, -e в большинстве ВМ диалектов. А. Хироюки отмечает, что подобное нерегулярное развитие наблюдается и в других словах, содержащих морфему 'глаз'. Он распределяет все рефлексy на 4 группы и приходит к выводу, что формы, которые имеют финали -iʔ, -ui, -i, -ik, не восходят к праминьскому; при этом, однако, для того, чтобы понять их происхождение, данных явно недостаточно (Hiroyuki 2020: 811–816). Согласие с таким выводом предполагает неясное и неэкономное решение, требующее либо заимствований из неизвестных субстратов, либо постулирование многочисленных лишних сущностей с семантикой 'глаз' на ПВМ уровне. Мы все же предпочитаем считать все перечисленные формы исконно родственными, в предварительном порядке объясняя нерегулярные варьирования в финалях ассимилятивными процессами. Стоит отметить, что в ВМ диалектах сама лексема КДК 珠 *to 'жемчужина' имеет две формы: 1) с финалью io ~ и в автономном употреблении (Hiroyuki 2018: 512), 2) с финалью iu в слове 'глаз'.

26) «fat/жир»: а) {肥} FCH pui₂, GTN pui₂, NND pui₂, HUB poi₂, XNC poi₂, JDU poi₂, ZHN pui₂, FDN pui₂, FQN poi₂, CNL pui₂, YNT poi₂, FUA pøi₂, SHON pui₂, PIN pui₂, б) {膏} FCH ko₁ || ПВМ {肥} *pui₂

Видно, что КДК этимон 膏 *kāw из всех диалектов отражается только в FCH; это заставляет предположить, что он был вытеснен на ПВМ уровне лексемой КДК 肥 *baj с аналогичным значением (Starostin 2019: 164). Хироюки отмечает, что эта лексема может употребляться как 'животный жир', так и 'толстый' по отношению к человеку (Hiroyuki 2018: 358).

Мы предполагаем, что в фучжоуском диалекте этимон 膏 ko₁ был восстановлен под влиянием литературного языка в качестве синонима к базовой лексеме 肥 *pui₂.

27) «feather/перо»: а) {毛} NND mo₂# (LN), HUB mo₂, XNC mo₂, JDU mo₂, ZHN mo₂# (LN), FDN mo₂# (LN), FQN mo₂# (LN), CNL mo₂# (LN), YNT mo₂# (LN), FUA mo₂# (LN), SHON mo₂# (LN), PIN mo₂; а.1) FCH y₃-mou₂ {羽毛} || ПВМ {毛} *mo₂

Искомое слово по основным источникам ВМ лексики в автономном употреблении зафиксировано в ограниченном числе диалектов FCH, HUB, XNC, JDU, PIN. Данные для остальных диалектов взяты из многосложной лексемы 鷄毛拂 'метелка из перьев петуха' (Lin 2002: 41); в полностью автономном употреблении в этих диалектах слово не зафиксировано.

КДК этимон 羽 *w(r)á самостоятельно не используется, но сочетается с полисемичным корнем КДК 毛 *m^hāw 'шерсть, перо, волосы на теле' в рамках биннома 羽毛 и исключительно в диалекте FCH (Лоренц 2020: 138). В остальных диалектах при передачи данного значения употребляется только однослог КДК 毛 *m^hāw. Как отмечает А. Хироюки,

лексема КДК 毛 **m^hāw* сохраняет свою полисемичность и в миньских диалектах (Hiroyuki 2018: 306, 508). Следует добавить, что она также отдельно употребляется в *цюньвэньской* и *южной* ветвях.

28) «fire/огонь»: {火} FCH hui₃, GTN хuoi₄#, NND хəy₃#, HUB huл₃, XNC həy₃, JDU həy₃, ZHN huai₃#, FDN хuoi₃#, FQN hui₃#, CHL хui₂#, YNT uoi₃#, FUA hui₄#, SHON хuoi₄#, PIN хoi₃ || ПВМ {火} *hui₃

29) «fish/рыба»: {魚} FCH ηy₂, GTN ηy₂, NND ηəy₂, HUB ηл₂, XNC ηə₂, JDU ηəy₂, ZHN ηəu₂, FDN η₂, FQN η₂, CNL ηy₂, YNT ηy₂, FUA ηə₂, SHON ηy₂, PIN ηə₂ || ПВМ {魚} *η₂

30) «fly/летать»: {飛} FCH pui₁, GTN puoi₁, NND pəy₁, HUB puoi₁, XNC pui₁, JDU pəy₁, ZHN pui₁, FDN puei₁, FQN puoi₁, CNL pui₁, YNT pui₁, FUA puoi₁, SHON puoi₁, PIN poi₁ || ПВМ {飛} *pui₁

31) «foot/нога»: {跣~骹} FCH k^ha₁, GTN k^ha₁, NND k^ha₁, HUB k^ha₁, XNC k^ha₁, JDU k^ha₁, ZHN k^ha₁, FDN k^ha₁, FQN k^ha₁, CNL k^ha₁, YNT k^ha₁, FUA k^ha₁, SHON k^ha₁ || ПВМ {跣} *k^ha₁

КДК этимон 足 **cok* был вытеснен инновативным корнем 骹 КДК **k^hrāw* уже на общеминьском уровне (Starostin 2019: 171; Лоренц 2020: 139). Основа 骹 толкуется в словаре «Шовэнь цзецзы» как ‘голень’, несколько раз встречаясь в текстах классического периода.

32) «full/полный»: а) {滿~瞞} FCH tuaŋ₃, SHON tuaŋ₃ (H), FUA tuaŋ₃ (H), PIN tuaŋ₃, FQN tuaŋ₃, HUB maŋ₃, XNC maŋ₃, JDU maŋ₃; б) {溷} FCH tien₅, HUB tiem₅, XNC tim₅, JDU tim₅ || ПВМ {滿} *tuaŋ₃

Широкоупотребимый КДК корень 盈 **leŋ*, очевидно, был вытеснен на общеминьском уровне, так как не отмечен ни в одной из ветвей группы Минь (Starostin 2019: 170; Лоренц 2020: 139).

В данных по ВМ встречаются два синонима: 滿 (КДК **mān*) и 溷 (СК *tien*). Инновативный корень 滿 **mān* начинает встречаться в литературных памятниках начиная с ханьского периода. Альтернативная лексема СК 溷 *tien*, очевидно, не имеет ни прямой связи с иероглифическим знаком, которым записывается, ни параллелей в КДК текстах; иероглиф подобран исключительно из-за фонетической схожести с лексемой. Мы предполагаем, что данное слово может быть связано с чжуан-тайскими формами, см. тайск. *tem*, лунчжоу *tim*, по-ай *lim* и др. (**tim*.А согласно Li 1977: 118). Следует добавить, что этот корень также зафиксирован в *южной* и *цюньвэньской* ветвях (Лоренц 2020: 139).

На ПВМ уровень из двух кандидатов уверенно выводится только 滿 **tuaŋ₃*, поскольку, в отличие от СК 溷 *tiem₅*, он имеет широкую дистрибуцию и однозначно опознается как исконно синитическая лексема.

33) «give/давать»: а) {乞} FCH k^həy₆, GTN k^hei₇#, NND k^hi₇#, HUB k^hi₆#, XNC k^hit₆#, JDU k^hi₆#, ZHN k^he₇#, FDN k^hi₇#, FQN k^hə₆, CHL k^həy₆, YNT k^hy₇#, SHON k^hy₇#, б) {錢} FUA tsin₂#, с) PIN k^huai₄# || ПВМ {乞} *k^hyt₆

Базовый для КДК текстов этимон 與 **lá* не сохраняется ни в одном из современных миньских диалектов (Starostin 2019: 168; Лоренц 2020: 139-140). Обладающий наиболее широкой дистрибуцией корень 乞 (КДК **k^hət*; на КДК уровне значение — ‘просить’), по всей видимости, унаследован от КДК эпохи (HYDC I: 760). В классических текстах, начиная с эпохи Хань, встречается производная от него форма **k^hət-s* (→ КДК **k^hət*) ‘давать’ (Schuessler 2007: 422), однако миньские формы с этим же значением восходят непосредственно к **k^hət*, что заставляет предположить, что на ПМ уровне значение производного глагола ‘давать’ перешло на основной глагол ‘просить’, и ПВМ наследует эту особенность. Ср. потенциальные сино-тибетские когнаты, приводимые А. Шюсслером (Schuessler 2007: 422): лимбу *kett* ‘передавать, доставлять’, канаури *ket*, тхебор *k^het* ‘давать’ — если эти

слова действительно этимологически родственны китайским, мы, возможно, имеем здесь дело с аналогичным (независимым) семантическим сдвигом.

Этимология локальных инноваций b) и c) остается неясной.

34) «good/хороший»: {好} FCH hо₃, GTN х₃, NND х₃, HUB х₅, XNC h₅, JDU h₅, ZHN х₃, FDN х₃, FQN hо₃, SHON х₃ (H), FUA h₃ (H), PIN х₃ || ПВМ {好} *hо₃

35) «green/зеленый»: a) {綠} FCH luok₇, HUB luo₇, XNC lu₇, JDU lu₇, FQN luo₇, SHON lyø₇ (H), FUA lu₇ (H), PIN lo₁; b) {青} FCH ts^han₁, HUB ts^han₁, XNC t^han₁, JDU ts^han₁, FUA ts^han₁ (H), SHON ts^han₁ (H), PIN ts^han₁ || ПВМ {綠} *luok₇ и {青} *ts^han₁

В миньдунской ветви используются два корня со значением ‘зеленый’: более архаичная лексема КДК 青 *s^hēŋ, обозначающая широкий спектр холодных оттенков от зеленого, синего, голубого до серого и черного, и более инновативная лексема КДК 綠 *rok, передающая исключительно значение ‘зеленый’, но при этом в классических текстах применяемая, как правило, для описания искусственно окрашенных предметов.

Ли Жулун и Лян Юйчжан приписывают лексеме 綠 luok₇ в фучжоуском диалекте основное значение ‘позеленевшее лицо’, а непосредственно значение ‘зеленый’ указывает только для 青 ts^han₁, однако остальные источники эту информацию не подтверждают (Li & Liang 1994: 37, 193). При этом диффузная семантика у слова 青 *ts^han₁ в миньдунских диалектах также сохраняется, поэтому лексема может использоваться для передачи других оттенков холодного спектра, например, для черного (Li & Liang 1994: 37). Любопытно, что в лексеме ‘маш, зеленая фасоль’ 綠豆 используется именно лексема КДК 綠 *rok (Hiroyuki 2018: 72, 164; Nakajima 1979: 33). Тем не менее, поскольку четкой и убедительной информации о семантических различиях между этими двумя основами источники, как правило, не предоставляют, приходится выводить обе основы (*luok₇ и *ts^han₁) на прауровень в качестве «технических» синонимов.

36) «hair/волосы»: a) {頭髮 ~ 頭發} FCH t^hau₂=uok₆, GTN t^hau₂=muo₆, NND t^hau₂=u₆, HUB t^hau₂=uot₆, XNC t^ha₂=ut₆, JDU t^ha₂=ut₆, ZHN t^hau₂=u₆, FDN t^hau₂=puo₆, FQN t^hau₂=huo₆, FUA t^ha₂=wu₆ (H), SHON t^hau₂=puo₆ (H), PIN t^han₂=mok₆; b) {頭毛} FQN t^hau₂=mo₂ || ПВМ {頭髮} *t^hau₂=put₆

КДК этимон 髮 *pat ‘волосы’ стабильно сохраняется во всех миньдунских диалектах, но только в составе композита 頭髮, где первый компонент — КДК 頭 *d^hō ‘голова’. Иногда вместо знака 髮 *pat используется омонимичный знак 發 *pat (‘начинать, выходить’); причины такой замены остаются неясными.

В диалекте фуцин, кроме вышеуказанного слова, также употребляется его полный синоним {頭毛} t^hau₂=mo₂ (букв. ‘шерсть головы’), который широко распространен в других ветвях группы Минь. Возможно, он появился под ареальным влиянием соседнего диалекта путянь, в котором используется исключительно вариант ‘шерсть головы’ (Лоренц 2020: 140).

На прауровень надежно выводится бином 頭髮 *t^hau₂=put₆, на следующих основаниях: 1) первый компонент ‘голова’ стабильно сохраняется во всех диалектах, без отклонений в фонетических соответствиях; 2) второй компонент ‘волосы’ в большинстве диалектов хотя и утрачивает инициаль на стыке слов, как это обычно происходит в миньдунских диалектах, но сохранение инициали в диалектах FCH, FDN, FQN доказывает ее выводимость на ПВМ уровень; 3) терминаль *-t восстанавливается по диалектным данным А. Хиroyuki, в которых она регулярно сохраняется (см. аналогичные примеры ‘кровь’, ‘кость’).

Особо выделяются варианты в диалектах GTN и PIN, где произошел нерегулярный переход инициали второго слога p → m.

37) «**hand/рука**»: {手} FCH tshiu₃, GTN tshiu₃, NND tshiu₃, HUB tshiu₃, XNC tshou₃, JDU çiu₃, ZHN tshiu₃, FDN tshiu₃, FQN tshiu₃, CNL tshiu₃, YNT tshiu₃, FUA tshieu₃, SHON tshiu₃, PIN tshiu₃ || ПБМ {手}*tshiu₃

38) «**head/голова**»: {頭} FCH thau₂, GTN thau₂, NND thau₂, HUB thau₂, XNC thau₂, JDU thau₂, ZHN thau₂, FDN thau₂, FQN thau₂ FUA thau₂, SHON thau₂, PIN thau₂ || ПБМ {頭} *thau₂

39) «**hear/слышать**»: {聽~聽} FCH thian₁, FQN thian₁, HUB thien₁, XNC thian₁, JDU thian₁, FUA thien₁ (H), SHON thian₁ (H), PIN thian₁ || ПБМ {聽} *thian₁

Старый КДК этимон 聞 *mən не сохранился в восточноминьских диалектах и был вытеснен лексемой КДК 聽 *lēŋ еще на ПМ уровне, так как в остальных ветвях группы Минь он тоже не зафиксирован (Starostin 2019: 169; Лоренц 2020: 141).

40) «**heart/сердце**»: {心} FCH θin₁, GTN sin₁#, NND θim₁#, HUB θim₁, XNC θim₁, JDU sim₁, ZHN θin₁#, FDN θin₁#, FQN sin₁, CNL sin₁#, YNT sin₁#, FUA sim₁#¹⁰, SHON sin₁#, PIN sin₁ || ПБМ {心} *sim₁

41) «**horn/рог**»: {角} FCH koyk₆, GTN køy₆, NND kœk₆, HUB kœk₆, XNC kœk₆, JDU kœk₆, ZHN kœuk₆, FDN ke₆, FQN kœ₆ (H), FUA kœ₆ (H), SHON kœ₆ (H), PIN kœ₆ || ПБМ {角} *koyk₆ {角}

42) «**I/я**»: {我} FCH ŋuai₃, GTN ŋuai₃, NND ua₅, HUB ua₅, XNC ua₅, JDU ua₅, ZHN ua₃, FDN ua₃, FQN ŋua₃, CHL ŋui₃, YNT ŋuo₃, FUA ŋo₃, SHON ŋua₃, PIN uai₃ || ПБМ {我} *ŋuai₃

43) «**kill/убивать**»: {劊 ~ 治 ~ 夷} FCH thai₂¹¹, GTN thai₂, NND thai₂, HUB thai₂, XNC thai₂, JDU thai₂, ZHN thai₂, FDN thai₂, FQN thai₂, CHL thai₂, YNT thai₂, FUA thai₂, SHON thai₂ || ПБМ {劊} *thai₂

ВМ основа *thai₂ унаследована от общеминьского состояния; в ПМ эта основа вытеснила КДК этимон 殺 *srāt (Starostin 2019: 163; Лоренц 2020: 141–142).

Было предложено две возможных этимологии инновативного корня. Одна из них выдвинута Дж. Норманом, который считает миньский корень производным от КДК лексемы 治 *L^həh ‘управлять, регулировать’ с производными значениями ‘чистить, очищать, убивать, зарезать’ (Norman 1979: 179–181). Эта гипотеза сомнительна ввиду необычности семантической деривации ‘регулировать’ → ‘зарезать, убивать’ и нерегулярности развития КДК финали *-əh (с падающим тоном) → -ai (с ровным тоном!) в миньских диалектах. Иероглифические знаки, использующиеся для записи данного слова, вероятно, были подобраны исходя из фонетического сходства.

Более убедительной выглядит другая этимология, выдвинутая Дэн Сяохуа, по которой миньская лексема ‘убивать’ была заимствована из тай-кадайских языков в общеминьский период, см. ‘умереть’: чжуанск. *tāi₁*, дай *tāi₁*, линьгао *dai₁*, дунск. *tāi₁*, мулао *tai₁*, суй *tai₁*, ли *tāu₁*. Он также приводит возможные параллели в языках мяо-яо: цяньдун мяо *ta₅* ‘убить’, *tua₆* ‘умереть’, чуань-цянь дяньмяо *tua₅* ‘убить’, *tua₆* ‘умереть’, меник (яо) *tai₅* ‘убить’, *tai₆* ‘умереть’, бяоминь яо *tai₅* ‘убить’, *tai₄* ‘смерть, умереть’, и в австронезийских языках: амис *pataj* ‘убить’, бунун *matað* ‘умереть’, пайвань *matsay* ‘умереть’, цатский *tai₄₂* ‘умереть’ и др. (Deng 1994: 39), хотя непосредственная связь их с миньскими формами сомнительна (скорее они могут отражать древние ареальные связи в австрическом регионе или даже восходить к эпохе общеевстрического единства).

Внешняя этимология Дэн Сяохуа выглядит убедительнее, чем внутренняя Дж. Нормана, однако странным остается факт заимствования непереходного глагола ‘умирать’

¹⁰ Акитани Хироюки указывает форму *θeiŋ₁* для диалекта фуань (Hiroyuki 2020: 625).

¹¹ М. Накадзима указывает для данного слова исключительно значение ‘разделять’, при этом все прочие источники упоминают значение ‘убивать’ (Nakajima 1979: 23).

как переходно-каузативного ‘убивать’ при отсутствии соответствующих форм в тайских источниках. Тем не менее, очевидно, что других кандидатов на статус пра-ВМ этимона ‘убивать’ нет.

44) «кnee/колeно»: а) {骸腹頭 ~ 骸肚頭} GTN $k^{h}a_1-u_4-lau_2$, ZHN $k^{h}a_1-lu_3-lau_2$, FQN $k^{h}a_3-tu_3-t^{h}au_1$; а.1) {骸肚頭} FCH $k^{h}a_1-\beta u_4-t^{h}au_2$ (LL), FDN $k^{h}a_1-pu_6-lau_2$; а.2) NND $k^{h}a_1-\tau_6-t^{h}au_2$ {骸骨頭}, XNC $k^{h}a_1-ut_6-t^{h}au_2$ {骸窟頭}; а.2.1) JDU {窟頭} $k^{h}ot_6-t^{h}au_2$; а.3) HUB {骸頭} $k^{h}a_1-lau_1$; а.4) {骸頭節} PIN $k^{h}a_1-lau_2$ ¹²-ZEIK₆ || ПВМ {骸肚頭} $*k^{h}a_1-lu_3-lau_2 \sim *k^{h}a_1-lu_3-t^{h}au_2$

ҚДК этимон 膝 **sit* ‘колeно’, следы которого отсутствуют в современных миньских диалектах, был вытеснен трехморфемным композитом еще на общеминьском уровне (Starostin 2019: 165; Лоренц 2020: 142). Инновативная лексема 骸 (ҚДК **k^{h}āw*) ‘голень’ в большинстве миньдунских диалектов составляет основу метафоры, буквально означающей ‘голова живота голени’. Однако следует отметить, что широко распространенным компонентом с семантикой ‘живот’ является 肚 ҚДК **dā* (при этом ассимиляция произошла не равномерно), и только в диалектах FCH и FDN используется лексема 腹 ҚДК **rik*, иероглифические знаки при этом варьируются, очевидно, из-за семантической близости (см. разбор лексемы ‘живот’).

Трехсложный композит с буквальным значением ‘голова кости голени’ (в котором, таким образом, морфема ‘живот’ заменяется на морфему ‘кость’) был обнаружен только в 3-х диалектах (см. а.2), при этом в диалекте XNC иероглиф 骨 ‘кость’ заменяется на знак 窟 (ҚДК **k^{h}ūt* ‘пещера, отверстие’), так как оба слова являются почти полными омофонами (см. Hiroyuki 2018: 593 и см. разбор лексемы ‘кость’). В диалекте HUB (а.3) представлен просто бином ‘голова ноги’. Уникальный компонент ҚДК 節 **cīt* ‘колeнце бамбука, узел, звено’ представлен в диалекте PIN, где все слово должно буквально переводиться как ‘звено головы голени’.

Отдельно следует подчеркнуть ситуацию с ассимиляцией инициали в компоненте ‘голова’ (ҚДК 頭 **d^{h}ō*), которая отличается от случая, описанного ранее: ассимиляция **T- → l-* может происходить, если предыдущий слог относится к ‘темному’ тону (Hiroyuki 2020: 61, 189). Впрочем, как видно из наших данных, это правило не универсально: так, в диалектах FCH, NND, XNC соответствующей ассимиляции не наблюдается. Исходя из всего вышесказанного, мы предлагаем восстанавливать трехкомпонентный вариант ПВМ {骸肚頭} $*k^{h}a_1-lu_3-lau_2 \sim *k^{h}a_1-lu_3-t^{h}au_2$ с диалектным варьированием на прауровне.

45) «know/знать»: а) {八傳} NND $p\epsilon t_7-ly\eta_2$, FUA $pok_6-li\eta_2$, HUB $pyt_6-ty\eta_2$, XNC $pit_6-ty\eta_2 \sim pyt_6-ty\eta_2$, JDU put_6-tion_2 ; а.1) {會八 ~ 解八} GTN $\epsilon_6=pei_7$, CNL $\epsilon_3=rai_6$, YNT $e_7=pei_6$, PIN $\epsilon_5=peik_6$ ($t\eta_2$); а.2) {八傳} ZHN $pi_7-ia\eta_2$; а.3) FCH $paik_6$ ¹³; б) {曉識 ~ 曉得} FDN $xieu_3-si_7$; б.1) {曉來} FQN $hie_u_2-li_3$; б.2) {曉得} SHON $xieu_3-li_6$ || ПВМ $*p\epsilon t_6$

ҚДК основа 知 **tre*, очевидно, перестала быть базисной на ПВМ уровне, так как не зафиксирована ни в одном из языков-потомков данной ветви.

В миньдун отчетливо прослеживаются два корня, которые образуют биномы с разными компонентами. Наиболее широко распространен корень а), не имеющий связи с китайскими литературными эквивалентами. Дж. Норман и Ц. Мэй полагают, что эта лексема была заимствована из австроазиатских языков, приводя в качестве сравнения вьетнамск. *biēt* ‘узнавать, знать’, ‘понимать’ (Norman & Mei 2000: 487). (Иероглифический

¹² Для второго слога указан регистровый тон 11, который, вероятно соотносится с тоном 2 («светлый ровный» 陽平; Hiroyuki 2020: 660).

¹³ Накадзима указывает для данного слова исключительно значение ‘узнавать’, однако согласно данным из источников Li 1995, Lin 2002, слово имеет и статическое значение ‘знать’.

знак 八 (КДК **prēt* ‘восемь’), которым записывается данная основа, подобран исключительно по критерию фонетической близости).

Наиболее частотными расширяющими компонентами для заимствованного корня в ВМ диалектах являются морфемы а.1) **ε₅*, которая родственна корню СК 解 *γáj* ‘мочь, уметь’, зафиксированному с эпохи Тан, и а) **tioŋ₂*, восходящая, по всей видимости, к лексеме 傳 КДК **d^hrwan* ‘передавать’ (Schuessler 2007: 288).

Другая, менее широко распространенная основа (b) 曉 (КДК **ɲéw*) ‘знать’ берет начало в чуском диалекте КДК со значением ‘знать, понимать’ и также во всех случаях встречается только в составе биномов (Schuessler 2007: 536). Так, в диалекте FDN расширителем является корень 識 КДК **tək* ‘знать’. В остальных диалектах второй корень распознать не удается.

46) «leaf/лист»: а) {葉~箬} FCH nuok₇, GTN nyøʔ₇, NND nøk₇, HUB niłʔ₇, XNC nyʔ₇, JDU nyʔ₇, ZHN nyʔ₇, FDN nie₇, CNL luoʔ₇, YNT nuoʔ₇, FUA nik₇ (H), SHON nyøʔ₇ (H), PIN nyoʔ₇ (H); а.1) FQN ts^hiu₅=nyo₁ {樹箬} || ПВМ {箬} *niok₇

КДК этимон 葉¹⁴ **l^hap* был заменен инновативной лексемой 箬 КДК **neuk* ‘кора бамбука, листья бамбука’ (восходит, по-видимому, к чускому диалекту, см. Schuessler 2007: 448) на общеминьском уровне, так как не обнаружен ни в одном из диалектов изучаемой диалектной группы в качестве основного слова (Starostin 2019: 163; Лоренц 2020: 143–144).

47) «lie/лежать»: а) {倒} FCH tɔ₃, GTN tɔ₃, NND tɔ₃, ZHN tɔ₃, FDN tɔ₃, FQN tɔ₃, FUA tɔ₃; а.1) {倒下} SHON tɔ₃-a₅ (H); а.2) {筧倒} PIN ɔuŋ₅=tɔ₃, XNC œ₃=tɔ₃; b) {暈} HUB k^hɔn₄; c) JDU œuŋ₃ || ПВМ {倒} *tɔ₃

В КДК языке глагол ‘лежать’ плохо фиксируется и практически не отделяется от динамических глаголов ‘ложиться, идти спать’ (см. Starostin 2019: 172–173), однако в миньских диалектах довольно отчетливо фиксируется корень 倒 КДК **táw* ‘падать, переворачиваться’ (Лоренц 2020: 144).

Расширяющие морфемы в диалектах PIN и XNC и JDU лексема œuŋ₃ со значением ‘валиться, ложиться на, полагаться на’ очевидно родственны друг другу, однако их этимология остается неизвестной; иероглифический знак 筧 (КДК **gāŋ* ‘палка для белья’) вновь подобран из-за фонетической схожести основ (Hiroyuki 2018: 178, 291). Эта же основа встречается в диалекте GTN с тем же значением (Li 2014: 53).

Любопытно, что в диалекте HUB для передачи искомого значения используется лексема 暈 (КДК **k^hwān*) ‘спать’; таким образом, здесь представлена полисемия ‘спать/лежать’.

48) «liver/печень»: {肝} FCH kaŋ₁, GTN kaŋ₁, NND kaŋ₁, HUB kaŋ₁, XNC kaŋ₁, JDU kaŋ₁, ZHN kaŋ₁, FDN kaŋ₁, FQN kaŋ₁, CHL kaŋ₁, YNT kaŋ₁, FUA kaŋ₁, SHON kaŋ₁, PIN kaŋ₁ || ПВМ {肝} *kaŋ₁

49) «long/длинный»: {長} FCH touŋ₂, GTN tɔuŋ₂, NND tɔŋ₂, HUB tɔŋ₂, XNC tɔŋ₂, JDU tɔŋ₂, ZHN tɔŋ₂, FDN tɔŋ₂, FQN tɔŋ₂, CNL touŋ₂, YNT touŋ₂, FUA tɔuŋ₂, SHON tɔŋ₂, PIN tɔuŋ₂ || ПВМ {長} *tɔŋ₂

50) «louse/вошь»: {虱母} FCH θaik₆-mo₄, GTN seiʔ₆-mɔ₃, NND set₆-mɔ₃, HUB θet₆-mo₃, XNC θet₆-mo₃, JDU sɛm₆-mɔ₃, ZHN set₆-mɔ₃, FDN saʔ₆-mo₃, FQN seʔ₆-mo₃, CNL seik₆-mo₃, YNT seiʔ₆-mo₃, FUA seik₆-mɔ₃, SHON seʔ₆-mɔ₃, PIN seik₆-mɔ₃ || ПВМ {虱母} *set₆-mɔ₃

КДК этимон 虱 **srit* сохраняется во всех диалектах ВМ ветви, но только в расширенной до бинома форме (с помощью КДК морфемы 母 **má* ‘мать’).

¹⁴ Данное слово в миньдунских диалектах употребляется исключительно для передачи фамилии (Hiroyuki 2018: 548).

51) «man/мужчина»: а) {丈夫儂} FCH tɔŋ₅=muo₁-nøŋ₂, GTN tɔŋ₅=muo₁-nøŋ₂, XNC tɔŋ₂=mu₁-(nøeŋ₂) ~ tœŋ₂=mu₁-(nøeŋ₂), ZHN toŋ₅=ŋu₁-nøeŋ₂, FDN toŋ₅=muo₁-neŋ₂, FQN tɔŋ₆=muo₁-nøŋ₂, YNT tœŋ₆=muo₁-nøŋ₅, FUA tɔŋ₆=mu₁-nøeŋ₂, SHON toŋ₁=muo₁-neŋ₂, PIN tɔŋ₅=mo₁-nøeŋ₂; а.1) {丈夫} NND tɔŋ₅=mu₁, HUB tɔŋ₅=muo₂¹⁵, JDU tɔŋ₂=mu₁; б) FCH naŋ₃-nøŋ₂ {男人}; б.1) {男界} CNL naŋ₂-ŋai₄ || ПВМ {丈夫儂} *tɔŋ₅=muo₁-nøeŋ₂

Старый КДК этимон 男 *nām ‘мужчина’ наблюдается только в двух соседних диалектах FCH, CNL, где он в принципе мог восстановиться под влиянием литературного языка. В обоих случаях он входит в состав композита: в FCH¹⁶ вторым компонентом оказывается КДК 儂 *nīŋ ‘человек’ (подробнее см. ‘person/человек’), а в CNL — КДК 界 *krēc ‘группа, класс’ (исходное значение — ‘граница’, ‘разделительная линия’). При этом по всему ВМ ареалу распространена основа 丈夫 (КДК *drāŋ pa; исходное значение — ‘муж; мужчина’), обычно также расширенная за счет морфемы 儂 *nīŋ ‘человек’.

В фонетическом плане важно отметить ассимиляцию на стыке двух слогов как в трехсложном композите 丈夫儂, где инициаль второго слога превращается в губной носовой *m*-, так и в бинеме 男界, где она трансформируется в назальный *n*- или *ŋ*-.

52) «many/много»: а) {多 ~ 齊 ~ 齊 ~ 徧 ~ 儕} FCH sa₆, GTN se₆, NND se₆, HUB θe₆, JDU θe₆, HUB se₆, ZHN se₆, FDN se₆, FQN se₆, CNL se₆, FUA se₆, SHON se₆, PIN se₆; б) FUA {過} kuai₁ || ПВМ *se₆

В большинстве миньдунских диалектов КДК этимон 多 *tāj был вытеснен инновативной лексемой неясного происхождения. По фонетическим причинам ВМ корень невозможно возвести к ханьскому корню 儕 (КДК *zrāj) ‘множество’, на что намекает соответствующая иероглифическая запись: 1) ВМ лексемы относятся к тональной группе «темный входящий» (陰入), в то время как слово 儕 относится к тональной категории «светлый ровный» (陽平); 2) инициаль *s*- (~ *θ*-) в восточной ветви не может восходить к КДК инициали **ʒ*(*r*)- (Starostin 2019: 163). Этимология корня *kuai*₁ из диалекта FUA также остается неясной (по фонетическим причинам свести ее к КДК лексеме 過 *kwājh ‘превосходить’ не удается; сам знак подобран вторично из-за фонетического сходства основ).

53) «meat/мясо»: {肉} FCH nyk₇, GTN nyʔ₇, NND nyʔ₇, HUB nyuk₇, XNC nœk₇, JDU nœk₇, ZHN nœʔ₇, FDN nu₇, FQN nyʔ₇, SHON nuʔ₇(H), FUA nœʔ₇(H), PIN nyk₇ || ПВМ {肉} *nik₇

54) «moon/луна»: а) {月} GTN ŋuoʔ₇, NND ŋot₇, ZHN ŋot₇, FDN ŋuo₇, CNL ŋuok₇, YNT ŋuoʔ₇, FUA ŋuk₇, SHON ŋyøʔ₇, PIN ŋok₇; а.1) {月光 ~ 月亮} FCH ŋuok₇-luoŋ₅, FQN ŋuoʔ₇-kuoŋ₅; а.2) {月奶} HUB ŋot₇-ne₃, XNC ŋot₇-ne₃, JDU ŋot₇-ne₃ || ПВМ {月} *ŋuot₇

КДК 月 *ŋwat стабильно сохраняется во всех языках-потомках миньдунской ветви, часто расширяясь до двуслога либо за счет присоединения морфемы 光 (КДК *kwājh) ‘свет, блеск’ (иногда записывается сходным по семантике знаком 亮 (КДК *raŋh) ‘свет’), либо за счет этимологически неясной морфемы (записывается иероглифическим знаком 奶 *nǎ* (СК *nǎ*) ‘грудь’, подобранным по принципу фонетического сходства).

55) «mountain/гора»: {山} FCH θaŋ₁, GTN saŋ₁, NND saŋ₁, HUB θaŋ₁, XNC θaŋ₁, JDU saŋ₁, ZHN saŋ₁, FDN saŋ₁, FQN saŋ₁ (θaŋ₁), CNL saŋ₁#, YNT saŋ₁#, FUA saŋ₁#, SHON saŋ₁#, PIN saŋ₁ || ПВМ {山} *saŋ₁

56) «mouth/рот»: {喙~嘴} FCH ts^hui₄, GTN ts^hy₄, NND ts^hoi₄, HUB ts^hui₄, XNC t^hui₄, JDU ts^hoi₄, ZHN ts^hoi₄, FDN ts^hui₄, FQN ts^hui₄, CNL ts^huoi₄, YNT ts^huoi₄, FUA ts^høi₄, SHON ts^hy₄, PIN ts^hui₄ || ПВМ {喙} *ts^hui₄

¹⁵ А. Хироюки указывает регистровый тон 34, который, вероятно, соотносится с 2-м тоном («светлый ровный» 陽平; Hiroyuki 2018: 324).

¹⁶ В фучжоуском диалекте также возможен лексический вариант *naŋ₂-ŋai₄*, как и в диалекте CNL; очевидно, это связано с ареальным влиянием (Lin 2002: 50; Liu & He 1998: 512).

Основной КДК этимон 口 **k^hō*, который в литературном китайском языке можно считать базовым термином вплоть до начала цинской эпохи, не прослеживается ни в одном из миньских диалектов, поэтому мы фиксируем лексическую замену уже на ПМ уровне (Starostin 2019: 169; Лоренц 2020: 146).

Данные показывают, что инновативной лексемой, вытеснившей старую основу, стала лексема КДК 喙 **x^hwas*, ранее обозначавшая ‘клюв’; таким образом, мы наблюдаем типичную для синитического ареала семантическую деривацию ‘клюв’ → ‘рот’. Нередко для записи этого слова из-за семантической схожести используется иероглифический знак 嘴 (КДК **cwáj*) ‘клюв’, который также восходит к ханьскому термину, но с иной этимологией.

57) «name/имя»: а) {名} GTN mian₂#, NND mian₂#, HUB mien₂, XNC miēn₂, JDU mien₂, ZHN mian₂#, FDN mian₂#, FQN mian₂, SHON mian₂, FUA miēn₂, PIN mian₂; а.1) FCH mian₂-tsei₅ {名字} || ПБМ {名} **mian₂*

58) «neck/шея»: а) {脰項 ~ 脰管 ~ 脰引} GTN tau₅-uŋ₄, NND tau₅-oŋ₅, HUB ta₅-un₅, XNC tau₅-oŋ₃, JDU tau₅-yn₃, ZHN tau₅-yŋ₃, FDN tau₅-uŋ₃, FUA tau₁-uŋ₃, PIN ta₅-uŋ₃; а.1) {脰脰 ~ 脰骨} FCH ta₂-au₃, CNL tau₂-ɔuk₆, YNT tau₅-uʔ₆, FQN tau₅-uɔʔ₆; а.2) {脰脖株} FQN tau₅-(p)βuoʔ₂-ty₁; а.3) {脰領} SHON tau₁-lian₃ || ПБМ {脰項} **tau₅-uŋ₃*

КДК этимон 領 **r^héŋ* ‘шея’ сам по себе не зафиксирован ни в одной из ветвей группы Минь в качестве основного корня, но присутствует как расширитель в диалекте SHON (Starostin 2019: 170; Лоренц 2020: 147). Инновативная лексема 脰 **d^hōh* ‘шея’ восходит к цискому слову эпохи Чуньцю-Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) и, предположительно, в КДК период имеет более узкое значение ‘шейный позвонок’, т.к. ее употребление прослеживается в контекстах, связанных с немедленной смертью (Schuessler 2007: 216; Starostin 2019: 170–171).

Как видно из наших данных, корень всегда употребляется только в составе композитов; в качестве расширителей чаще всего выступают (а) КДК 項 **grōŋ* ‘шея (тыльная часть)’ и (а.1) КДК 骨 **kwōt* ‘кость’ (см. подробный разбор этимона ‘bone/кость’). Во всех биномах наблюдается усечение инициали второго слога, характерное для миньских диалектов (Hiroyuki 2018: 36).

59) «new/новый»: {新} FCH θin₁, GTN sin₁, NND sin₁, HUB θin₁, XNC θin₁, JDU sin₁, ZHN sin₁, FDN sin₁, FQN sin₁, FUA θein₁, SHON sin₁, PIN sin₁ || ПБМ {新} **sin₁*

60) «night/ночь»: а) {冥晡 ~ 瞑晡} FCH maŋ₁-muo₁, GTN maŋ₂-muo₁, NND maŋ₂-mu₁, HUB maŋ₂-ŋuo₁, XNC maŋ₂-ŋu₁, JDU maŋ₂-ŋu₁, ZHN maŋ₂-mu₁, FQN maŋ₂-muo₁, FUA maŋ₂-mu₁, PIN maŋ₂-mo₁; а.1) {曩晡頭} CNL laŋ₂-muo₃-lau₂, YNT maŋ₂-muo₁-lau₂; а.2) {瞑過} FDN maŋ₂-kuo₇; а.3) {瞑間} SHON maŋ₂-kaŋ₁ || ПБМ {冥晡} **maŋ₂-mu₁*

Широко распространенный в классический период этимон 夜 **liah* вытеснен инновацией еще на общеминьском уровне, так как ни один из языков-потомков не сохранил старый корень (Starostin 2019: 163; Лоренц 2020: 147). Во всей миньдунской ветви используется корень 冥 КДК **mēŋ* ‘быть темным’, который в этом значении фиксируется уже в классических памятниках; семантическое развитие ‘темный’ → ‘ночь’ в миньдунских диалектах типологически естественно для самых разных ареалов. Иероглифический знак, используемый для записи этого корня, вариативен и часто записывается с ключом ‘глаз’ (瞑).

В автономной форме этот корень в ВМ диалектах не используется и обычно встречается в двухсложных (реже — в трехсложных) композитах. Чаще всего расширителем оказывается лексема 晡 КДК **rā* ‘вечер’, которая начинает встречаться в литературных

памятниках с эпохи Хань (HYDC V: 729); инициаль второго слога в этом контексте ассимилируется предшествующей носовой терминали.

61) «nose/нос»: а) {鼻} FCH p^hei₄, GTN p^hi₄, NND p^hei₄, HUB p^hi₅, XNC p^hi₅, JDU p^hei₅, ZHN p^hei₄, FDN p^hi₄, FQN p^he₄, CNL p^hei₄, YNT p^he₄; а.1) {鼻公 ~ 鼻空} FUA p^hi₃-œŋ₁; а.2) {鼻頭} SHON p^hi₄-lau₂; а.3) {鼻古} PIN p^hi₄-u₃ || ПВМ {鼻} *p^hi₄

62) «not/не»: {怀 ~ 無 ~ 唔} FCH me₁, GTN ŋ₆#, NND ŋ₆#, HUB n₃, XNC n₁, JDU n₃, ZHN ŋ₆#, FDN ŋ₆#, FQN n₁, CNL iŋ₁#, YNT iŋ₁#, FUA ŋ₆#, SHON ŋ₆#, PIN mɔ₂ || ПВМ *m₂ (~ *ŋ₂)

Устойчивый литературный эквивалент 不 *pə был вытеснен уже на ПМ уровне континуантом 無 (КДК *ma) с исходно запретительной семантикой ‘не надо, не’ (Starostin 2019: 163; Лоренц 2020: 148)¹⁷. Фонетические рефлексы отрицательной частицы варьируются на стыке слов; из-за этого возникают фантомные представления об использовании в разговорной речи этимологически разных лексем, которые начинают маркироваться разными графическими знаками. Непредсказуемые тональные вариации в приведенных примерах также связаны с тональными сандхи, вызванными связанным характером морфемы. На ПВМ уровень допустимо выносить (в качестве дополнительно распределенных) оба варианта — как исходный с лабиальной инициальной /m/, так и ассимилированный с инициальной /ŋ/.

Стоит добавить, что отрицание может стягиваться с последующим словом, заменяя инициаль второго слога: PIN 聽 t^hian₁ — 不聽 paŋ₅₅₃ ‘слышать’ — ‘не слышать’, 爬 pa₂ — 不爬 ma₄₅₃ ‘подниматься’ — ‘не подниматься’, 坐 sɔi₅ — 不做 nɔi₅₁₂ ‘сидеть’ — ‘не сидеть’ (Hiroyuki 2020: 392–394; Hiroyuki 2018: 654; Liu & He 1998: 75).

Для записи чаще всего используются 3 знака: 1) 無 (КДК *ma), за которым и в литературном языке закреплены значения ‘не надо, не; не иметь’; 2) 怀 — видоизмененный графический вариант простого иероглифа 不 ‘не’; 3) 唔 — подобран из соображений фонетической близости, впервые используется в литературных памятниках начиная с эпохи Мин для передачи звукоподражания (HYDC III: 356). Ср. с таким же развитием когнаты из других диалектных групп: У (шанхайск. m₂), Юэ (гуанчжоу m₂), хакка m₂ и др. (цит. по Schuessler 2007: 518–519).

63) «one/один»: а) {蜀} FCH θuok₇, GTN syø₇, NND sø₇, JDU ɕy₇, ZHN sɔ₇, FDN suo₇, FQN θyo₇ (H), CNL so₄#, YNT so₇5#, PIN sək₇, б) XNC ɕit₇, FUA sik₇#, SHON si₇ || ПВМ {蜀} *suok₇

Исконное числительное КДК — *ʔit ‘один’, по-видимому, заместились инновативной лексемой во всем миньском ареале уже на общеминьском уровне, сохраняясь лишь в составе отдельных устойчивых выражений (Starostin 2019: 163; Лоренц 2020: 149).

Этимологическое происхождение этого слова неясно; Нгай предполагает возможную связь с ДК корнем 獨 *dōk ‘одинокий; уникальный’ (Ngai 2015: 213), однако развитие *d- → *s- перед исконными долгими гласными для миньских диалектов нерегулярно. При условии принятия спорадического сокращения долготы (*dōk → *dok → ПМ *ʔok → ВМ *suok), что в принципе логично для столь частотного числительного, этимология приемлема. (Иероглифический знак 蜀, транскрибирующий данное слово, как раз имеет СК чтение с гласным третьего дэна ʔöik, восходящее к ДК *dok).

Форма, представленная в диалектах XNC, FUA, SHON, вряд ли может отражать базовый КДК этимон — *ʔit ‘один’, так как надежных примеров на возможность развития *ʔ- → *s- не обнаружено; впрочем, других идей относительно ее вероятного происхождения также нет.

¹⁷ В некоторых ВМ диалектах этот же корень передает предикативное значение ‘не иметь’ (Hiroyuki 2020: 696).

64) «person/человек»: а) {儂} FCH nøy₂, GTN nøy₂, NND nøy₂, HUB nøy₂, XNC nøy₂, JDU nøy₂, ZHN nøy₂, FDN nøy₂, FQN nøy₂, CNL løy₂, YNT nøy₂, FUA nøy₂, SHON nøy₂, PIN nøy₂; б) {陣} FQN teŋ₅ (H), FUA teŋ₅ (H), PIN teŋ₅ || ПВМ {儂} *nøy₂

КДК этимон 人 *nin в миньской ветви вытесняется инновацией 農 (КДК *nīŋ), исходно = ‘земледелец, крестьянин’ (Starostin 2019: 163; Лоренц 2020: 149–150); для записи миньского слова обычно используется знак, расширенный за счет ключа ‘человек’ (儂). В литературном языке расширенное значение ‘человек’ у этого слова не встречается, но, как отмечает Чжоу Фагао, в качестве местоимения 1-го лица эта лексема встречается в стихотворении эпохи Южных династий (420–589 гг.) «Песня Цзы-е» (子夜歌; цит. по Norman 1983: 208). Норман и Мэй отмечают аналогичное использование данной лексемы (‘крестьянин’ → ‘человек’) также среди диалектов группы У (Norman 1983: 208; Mei 2015: 123).

Для трех диалектов, описанных в исследовании Хироюки, также приводится полный синоним б) неизвестного происхождения (Hiroyuki 2020: 649).

65) «rain/дождь»: {雨} FCH hu₆ (LH), GTN hu₅, NND hu₃, HUB hu₆, XNC hu₆, JDU hu₆, ZHN hu₅, FDN hu₆ (LH), FQN hu₆, CNL hu₆, YNT hu₆, FUA hu₆, SHON u₆ (LH), PIN hu₆ (LH) || ПВМ {雨} *hu₆

КДК этимон 雨 *w^há ‘дождь’ стабильно сохраняется в современных диалектах, однако при этом часто наблюдается свободное варьирование литературного и разговорного чтений. В источнике Liu & He 1998: 481–482 оба варианта четко разграничиваются, причем «литературные» формы, как правило, имеют вид *i*₃ или *u*₃ с восходящим тоном (上聲), но в других источниках ситуация более хаотична. Так, для диалекта FCH Накадзима указывает литературное чтение; для диалекта FDN Чэнь и Ли также дают только литературное чтение; то же самое для диалектов PIN, SHON и FQN у Хироюки (Nakajima 1979: 4; Chen & Li 1991: 12; Hiroyuki 2020: 616). Возможно, это связано с тем, что «литературное» чтение в миньдунских диалектах характерно для некоторых устойчивых сочетаний, таких, как, например, ‘идет дождь’: 遇雨 ~ 桐雨 FCH touŋ₂ ŋu₃, CNL touŋ₂ ŋu₃, FQN touŋ₂ ŋu₃, YNT touŋ₁ u₃, GTN touŋ₄ ŋu₂ и т. д. (Lin 2002: 33).

66) «red/красный»: {紅} FCH øy₂, GTN øy₂, NND øy₂, HUB øy₂, XNC øy₂, JDU øy₂, ZHN øy₂, FDN øy₂, FQN øy₂, CNL øy₂, YNT øy₂, FUA øy₂, SHON øy₂, PIN øy₂ || ПВМ {紅} *øy₂

Основной КДК этимон 赤 *k^hiak ‘красный’ в современных миньских диалектах не встречается, т.к. уже на ПМ уровне он был вытеснен инновацией 紅 (КДК *g^hōŋ), редко встречающейся в КДК текстах, но активно используемой начиная с периода Хань (Starostin 2019: 169; Лоренц 2020: 150).

67) «road/дорога»: а) {壻} FCH tuo₅, GTN tuo₅, NND tu₅, HUB tuo₆, XNC tu₆, JDU tu₆, ZHN tu₅, FDN tuo₅, FQN tuo₅, CNL tu₅#, YNT tuo₅#, SHON ty₅#; б) {路} FCH lou₆ || ПВМ {壻} *tuo₅

По всему ВМ ареалу в значении ‘дорога’ используется диалектная инновация 壻¹⁸ (СК dò), по-видимому, морфологически связанная с КДК основой 途 *L^hā ‘дорога’, но отличающаяся от нее наличием падающего тона.

В диалекте FCH, помимо этого, в качестве синонима также используется литературное заимствование 路 lou₆, восходящее к КДК 路 *rāh ‘дорога, путь’.

68) «root/корень»: а) {根} HUB kyŋ₁, XNC kyŋ₁, JDU kyŋ₁, FQN kyŋ₁, FUA kōŋ₁ (H), SHON kyŋ₁(H), PIN kyŋ₁; а.1) FCH tsu₄=kyŋ₁ {樹根}, GTN ts^hiu₄=kyŋ₁ || ПВМ {根} *kyŋ₁

КДК этимон 本 *p^hān не прослеживается ни в одном из диалектов группы Минь, поскольку был вытеснен инновативным корнем КДК 根 *kān еще на общеминьском уровне

¹⁸ Иероглифический знак 壻 за пределами среднекитайских словарей не встречается.

(Starostin 2019: 166–167; Лоренц 2020: 150). Следует отметить нерегулярное развитие финали, т.к. ҚДК **-ən* обычно отражается в ВМ диалектах как *-ouŋ* ~ *-uŋ* ~ *-oŋ*. ПВМ финаль **-uŋ* результат развития из ҚДК **-oŋ*, **-ən*, **-əŋ*.

69) «round/круглый»: {圓} FCH *ieŋ₂¹⁹*, FQN *ieŋ₁*, HUB *ieŋ₂*, JDU *in₂*, XNC *in₂* || ПВМ {圓} **ieŋ₂*

70) «sand/песок»: {沙} FCH *θai₁*, GTN *sai₁*, HUB *θuo₁*, XNC *θuɔ₁*, JDU *suo₁*, FQN *θua₁*, FUA *θo₁* (H), SHON *sua₁* (H), PIN *sai₁* || ПВМ {沙} **sai₁*

71) «say/сказать»: а) {講話} FCH *kouŋ₃-ua₆*, GTN *kouŋ₃-ua₅*, NND *kəŋ₃-uɔ₅*, HUB *kəŋ₃-ŋuo₅*, XNC *kəŋ₃-ŋuɔ₅*, JDU *kəŋ₃-ŋuo₅*, ZHN *kəŋ₃-uɔ₅*, FDN *kəŋ₃-ua₅*, CNL *kouŋ₃-ua₆*, YNT *kouŋ₃-ua₆*, FUA *kəŋ₃-wo₆*, SHON *kəŋ₃-ua₆*; а.1) {講} FQN *kəŋ₃*, PIN *kəŋ₃* || ПВМ {講話} **kəŋ₃-ua₅*

В миньских диалектах, как и во всех синитических языках, значения ‘сказать’ и ‘говорить’ разграничить довольно трудно; ввиду нехватки данных (особенно контекстов) у нас нет твердой уверенности в том, что все представленные эквиваленты отражают именно однократное значение ‘сказать’.

В любом случае очевидно, что ни один миньский диалект не сохраняет в значении ‘сказать’ ҚДК этимон 曰 **wat* (Starostin 2019: 172; Лоренц 2020: 151). Главной инновацией внутри ВМ ареала оказывается бином 講話, первый слог которого восходит к ҚДК 講 **króŋ* ‘объяснять, дискутировать’, а второй — к ҚДК 話 **g^{hw}rāc* ‘речь; говорить’. Иногда встречается также простой односложный вариант 講 **kəŋ₃*.

72) «see/видеть»: а) {見} FCH *kieŋ₄* (LN), SHON *kieŋ₅* (H), PIN *keiŋ₅*, HUB *ken₅*, XNC *kin₅*, JDU *kin₅*; а.1) {看見} FQN *k^han₄=kieŋ₄* (*ŋien₄*), FUA *an₃=ŋin₄* (H), PIN *an₃=ŋeiŋ₄*; б) {映着} SHON *ɔŋ₅-tyøʔ₇* (H) || ПВМ {見} **kieŋ₅*

В словарях и словниках по диалектам Минь, как правило, плохо разграничиваются значения ‘видеть’ и ‘смотреть’; мы стараемся приводить лексемы, соответствующие мандаринскому глаголу 見 *jìàn* ‘видеть’, но в таком виде они зафиксированы лишь в ограниченном количестве диалектов.

В автономном употреблении рефлекс старой лексемы 見 **kēnh* наблюдаются в шести диалектах; при этом Хироюки отмечает, что в диалектах HUB, XNC, JDU она может быть расширена до бинома с помощью основы ҚДК 看 **k^hānh* ‘смотреть’: HUB *an₄=ŋen₄*, XNC *an₁=ŋin₄*, JDU *k^han₁=ŋin₄* (Hiroyuki 2018: 355). В остальных диалектах фиксируется только этот двусложный вариант, причем абсолютно везде на стыке морфем имеет место ассимиляция.

73) «seed/семя»: а) {籽 ~ 子} GTN *tsi₃*, NND *tsi₃*, ZHN *tsi₃*, FDN *tsi₃*; а.1) FCH *tsyŋ₁-tsi₂* {種子} || ПВМ {子} **tsi₃*

В восточноминьской ветви ҚДК этимон 種 **tóŋ* ‘семя’ прослеживается только в диалекте FCH, где он расширен за счет дополнительного корня 子 (ҚДК **cá*) ‘сын, ребенок, потомство’. Во всех остальных диалектах значение ‘семя’, напротив, передается именно последним корнем, записываясь иногда как 籽 с дополнительным ключом ‘рис’ (в литературном языке этот иероглиф встречается только в позднесредневековых памятниках). Семантический переход ‘сын, ребенок’ → ‘семя’ в целом достаточно характерен для синитического ареала.

Судя по дистрибуции рефлексов, на ПВМ уровне основным эквивалентом значения ‘семя’ уже был однослог 子 **tsi₃*, хотя на этот переход могло повлиять его первоначаль-

¹⁹ Ли и Лян указывают для однослога 圓 *ieŋ₂* значение ‘собираться вместе’; само значение ‘круглый’ передается трехсловом 圓珠珠 *ieŋ₂-ʒou₁-ʒou₁* (Li & Liang 1994: 156).

ное использование в составе двуслога 種子; с другой стороны, сохранение его конкретно в фучжоуском диалекте может быть результатом архаизации (влияния литературного языка).

74) «sit/сидеть»: {坐} FCH θuoi₅, GTN soi₅, NND sɔy₅, HUB θoi₅, XNC θoi₅, JDU soi₅, ZHN sɔi₅, FDN soi₅, FQN soi₄, FUA sɔ₅ (H), SHON sɔi₅ (H), PIN sɔi₅ || ПВМ {坐} *soi₅

75) «skin/кожа» {皮} FCH p^hui₂, GTN p^hui₂, NND p^hui₂, HUB p^hui₂, XNC p^hui₂, JDU p^hui₂, ZHN p^hui₂, FDN p^huei₂, FQN p^hui₂#, CHL p^hui₂, YNT p^hui₂, FUA p^hui₂, SHON p^hui₂, PIN p^hoi₂ || ПВМ {皮} *p^hui₂

КДК этимон 膚 *pra ‘кожа (человека)’ был заменен инновативной лексемой 皮 (КДК *b^haj) ‘кожа (животного)’ еще на общеминьском уровне, так как не зафиксирован ни в одной из ветвей; практически во всех источниках слово 皮 используется исключительно для описания именно человеческой кожи, а не шкуры животного (Starostin 2019: 165; Лоренц 2020: 152).

76) «sleep/спать»: {睏} FCH k^huon₅, GTN k^huŋ₅²⁰, NND k^hon₅, HUB k^hon₅, XNC k^hon₅, JDU k^hon₅, ZHN k^hon₅ (LH), FDN k^huŋ₅ (LH), FQN k^hon₅, CNL k^houŋ₄, YNT k^houŋ₄, FUA k^huŋ₄²¹, SHON k^huŋ₄, PIN k^hon₅ || ПВМ {睏} *k^hon₅

Здесь налицо лексическая замена на общеминьском уровне: КДК 臥 *ŋ^hwājh²² ‘лежать, спать’ → 睏 *k^hwānh, т.к. старый этимон не сохраняется ни в одном из современных языков-потомков (Starostin 2019: 171; Лоренц 2020: 152). Инновация 睏 *k^hwānh, вероятно, представляет собой результат семантического сдвига от КДК 困 *k^hwānh ‘устать, утомиться’; первые употребления данного слова фиксируются только в памятниках конца циньской эпохи и отмечены как диалектные формы (HYDC VII: 1222).

77) «small/маленький»: а) {嫩} FCH nouŋ₅, GTN nɔuŋ₅#, NND nɔn₅#, HUB nɔn₅, XNC nɔn₅, JDU nɔn₅, ZHN nɔn₅#, FDN nɔŋ₅ (LN), FQN nɔŋ₅ (H), CNL nɔuŋ₅, YNT nɔuŋ₅, FUA nɔuŋ₅; б) {細} FDN se₅#, FQN se₄, SHON se₄, PIN se₄ || ПВМ {嫩} *nɔn₅

Старый КДК этимон 小 *sew, по всей видимости, был вытеснен инновацией 嫩 ‘молодой, нежный’ (КДК *nwānh) уже на ПВМ уровне, так как он совсем не прослеживается в миньдунской ветви (Starostin 2019: 163-164; Лоренц 2020: 153); таким образом, отмечается семантический сдвиг ‘молодой, нежный’ → ‘маленький’.

Помимо этого, в целом ряде ВМ диалектов также распространен корень, восходящий к КДК 細 *sēh ‘мелкий, крошечный; тонкий’, но в диалектах FDN, FQN является синонимом без каких-либо сведений о разнице между двумя лексемами.

78) «smoke/дым»: а) {煙} FQN iŋ₁, FUA eiŋ₁ (H), SHON ieŋ₁ (H), PIN iŋ₁; а.1) FCH hui₃=ieŋ₁ {火煙} || ПВМ {煙} *iŋ₁

Архаичный КДК этимон 熏 *hun в ВМ диалектах встречается только в узкоспециализированном значении ‘дым от трубки’ (Lin 2002: 96; Li & Liang 1994: 138); однако базовый эквивалент 煙 *iŋ₁ ‘дым’ также унаследован от КДК состояния (Starostin 2019: 167-168).

²⁰ В диалекте гутянь лексема может также употребляться в расширенной до бинома форме {睏眠} k^houŋ₅-miŋ₁, где второй компонент 眠 = КДК *mīn ‘закрывать глаза, сон, спать’ (Liu & He 1998: 564; Li 2014: 105).

²¹ Хироюки указывает для диалекта фуань форму ŋɔuŋ₅ со «светлым» падающим тоном (陽去; Hiroyuki 2020: 632).

²² Следует отметить употребление лексемы 臥 ngu₀₇ в значении ‘спать’ в фучжоуском диалекте по данным словаря XIX в., однако, вероятно, уже как стилистически маркированный архаизм, т.к. в качестве базового разговорного эквивалента указывается основа 睏 k^huon₅ (Macklay & Baldwin 1898: 548).

79) «stand/стоять»: {倚 ~ 企} FCH k^hie₅, GTN k^hie₅, NND k^hie₃, HUB k^hie₅, XNC k^hie₅, JDU k^hie₅, ZHN k^hie₅, FDN k^hia₅, FQN k^hia₄, CNL k^hie₅, YNT k^hie₅, FUA k^he₅, SHON k^hia₅, PIN k^he₅ || ПВМ {倚} *k^hie₅

КДК этимон 立 *rəp ‘стоять’ вытесняется инновацией 企 *k^hé (исходно — ‘стоять на цыпочках’) уже на ПМ уровне, т.к. старый этимон не зафиксирован ни в одной из ветвей (Starostin 2019: 169; Лоренц 2020: 153). Лексема чаще всего записывается редким иероглифическим знаком 倚, впервые зафиксированным в значении ‘стоять’ только в словаре «Гуаньюнь» (1007 г.).

80) «star/звезда»: а) {天星} GTN t^hien₁=niŋ₁, NND t^hen₁=niŋ₁, HUB t^hien₁=niŋ₁, XNC t^hin₁=niŋ₁, JDU t^hen₁=niŋ₁, ZHN t^hien₁=niŋ₁, FDN t^hien₁=siŋ₁, FQN (t^hien₁)=siŋ₁, CNL t^hien₁=niŋ₁, FUA t^hin₁=neiŋ₁, PIN t^hien₁=niŋ₁; а.1) {星} FCH θiŋ₁, YNT siŋ₁, SHON siŋ₁ || ПВМ {天星} *t^hien₁=niŋ₁

КДК этимон 星 *s^hēŋ ‘звезда’ стабильно сохраняется во всем восточном ареале, чаще всего в расширенной до бинорма форме, второй компонент которой КДК 天 *t^hin ‘небо’. На стыке слов инициаль второго корня s- закономерно ассимилируется в n- (Hiroyuki 2020: 323).

81) «stone/камень»: а) {石} HUB θiɿ₇, XNC θy₇, JDU sy₇, FUA t^hi₇ (H), SHON syø₇ (H), PIN sø₁; а.1) {石頭} FCH θuok₇²³-t^hau₂, FQN syo₁-t^hau₂ (lau₂) || ПВМ {石} *siok₇

КДК этимон 石 *diak очевидно сохраняется в ВМ ветви, хотя во многих словарных источниках вхождение ‘камень’ отсутствует, что приводит к неизбежным лакунам. Иногда основа расширяется до бинорма с помощью частотного суффикса 頭 (КДК *d^hō, исходно ‘голова’), точно так же, как это происходит в литературном языке.

В диалекте FUA отмечено нерегулярное развитие инициали (ПДК *ʒ- → t^h-); примеров, подтверждающих возможность такого развития, немного (ПДК 勺 *ʒak ‘половник, чашка’ → SHON t^hia₇ ‘черпак, ковш’, PIN t^hev₁ ‘черпак, ковш’; ср. также ПДК 石卵 *ʒek-l^hwán ‘булыжник’ → ZHN t^hyk₇-lɿn₅ ‘булыжник’ (Hiroyuki 2020:180; 407; Lin 2002: 39), но слово все же не хотелось бы считать этимологически отличным ввиду регулярного развития остальных компонентов (финаль, тон).

82) «sun/солнце»: {日頭} FCH lik₇²⁴-t^hau₂, GTN ni₇-t^hau₂, NND nik₇-t^hau₂, HUB nit₇-t^hau₂, XNC ni₀-au₂, JDU nit₇-t^hau₂, ZHN ne₇-t^hau₂, FDN ni₇-t^hau₂, FQN ni₇-t^hau₁, CNL ni₇-t^hau₂, YNT ni₇-t^hau₂, FUA ni₇-lau₂, SHON ni₁-t^hau₂, PIN nik₇-t^hau₂ || ПВМ {日頭} *nit₇-t^hau₂

Старый корень 日 *nit сохраняется по всему миньскому континууму, однако в ВМ диалектах всегда расширяется до бинорма с помощью продуктивного суффикса (КДК 頭 *d^hō с исходным значением ‘голова’).

83) «swim/плавать»: а) {泗水} FCH θiu₄-tsui₂, GTN siu₃-tsy₃ (LN), NND θeu₂-tsy₃ (LN), FDN θiu₂-tsui₃ (LN), FQN siu₂-tsui₃, CNL siu₃-tsui₃, YNT siu₂-tsui₃, FUA siu₂²⁵-ʒi₃; а.1) {泗潭} ZHN seu₂-t^han₂ (LN), SHON siu₂-t^han₂, XNC θeu₂-lam₂²⁶ || ПВМ {泗水} *siu₂-tsui₃

Старый этимон 游 *lu не сохраняется в восточной ветви, вытесняясь инновацией 泗 (КДК *l^hu) с близкой семантикой, которая начинает встречаться уже в текстах классической эпохи (Starostin 2019: 164). Этот же корень распространен и среди миньнаньских

²³ Накадзима указывает регистровый тон 3, который, скорее всего, соотносится с тоном 7 («светлый входящий» 陽入).

²⁴ См. предыдущую сноску.

²⁵ Линь Ханьшэн указывает для диалекта фуань регистровый номер 21, что предположительно соотносится с тоном 2 («светлый ровный» 陽平; Lin 2002: 68).

²⁶ Лексема также употребляется в значении ‘мыться’ (Hiroyuki 2020: 356).

диалектов (Лоренц 2020: 154). Во всех случаях лексема употребляется только в двусложной форме; в подавляющем числе диалектов расширительным компонентом выступает КДК 水 **twój* ‘вода’ (см. разбор лексемы ‘вода’), но в двух диалектах представлен альтернативный компонент — КДК 潭 **l̥əm* ‘пучина’, ‘бездна’.

84) «tail/хвост»: а) {尾} FCH *mui*₂, GTN *muoi*₃, NND *møy*₃, HUB *mli*₃, XNC *møy*₃, JDU *møy*₃, ZHN *muai*₃, FDN *muei*₃, YNT *muoi*₃, FUA *mui*₃, PIN *moi*₃; а.1) {尾溜 ~ 尾稍} FQN *mui*₃-*lieu*₄, SHON *muoi*₄-*liu*₁; а.2) {尾尾} CNL *mui*₃-*mui*₃ || ПВМ {尾} **mui*₃

85) «that/тот»: а) {許} CNL *hi*₃, YNT *hy*₃, SHON *хай*₄²⁷, PIN *ха*₃; а.1) {許隻 ~ 彼個} FCH *hi*₂-*eik*₆²⁸, GTN *xia*₆-*ie?*₆, HUB *ха*₃-*lie?*₆~*xei*₃, XNC *ha*₅-*cie?*₆, JDU *ha*₃-*cie?*₆, FUA *heik*₆; а.2) {許蜀隻 ~ 許一隻} NND *ха?*₆-*søk*₇-*ie?*₆, FQN *hy*₃-*syo*₁-*tsia*₄; а.3) {許隻} ZHN *хай*₄-*it*₆; а.4) {許個 ~ 許隻} FDN *xi*₃-*koi*₄ || ПВМ {許隻} **hi*₃-*tsiek*₆

КДК этимон 彼 **páj* ‘тот’ вытесняется уже на общеминьском уровне ПДК диалектной инновацией 許 **hó* (Starostin 2019: 171; Лоренц 2020: 154–155), которая была характерна для ареала к востоку от Янцзы в эпоху Шести династий (220–589 гг.; Mei 1999: 8). Иногда при этом лексема продолжает записываться знаком 彼, оставленным для нее из-за своей исходной местоименной семантики.

Данные показывают, что чаще всего корень расширяется за счет счетного слова, восходящего к КДК лексеме 隻 **tek* ‘один (из пары)’. Иногда оно же (по аналогии с литературным языком) записывается другим графическим знаком — 個 (КДК **kājh* ‘штука’). На стыке слов инициаль счетного слова, как правило, выпадает, хотя отдельные фонетически архаичные диалекты, такие, как CNL и YNT (см. доп. примеры в Hiroyuki 2018: 374), ее сохраняют. Встречаются также трехсложные сочетания (а.2), где счетному слову ‘один из пары’ предшествует числительное ‘один’ (КДК 蜀 **zók*, см. выше ‘one/один’).

86) «this/этот»: а) {這個 ~ 這隻 ~ 此隻} FCH *tsi*₂-*eik*₆ (*tsui*₂), GTN *tsia*₆-*ie?*₆, FUA *tseik*₆, HUB *tsa*₃-*lie?*₆~*tfei*₃, XNC *tfa*₃-*cie?*₅, JDU *tsa*₃-*cie?*₆; а.1) {此 ~ 這} CNL *tsi*₃, YNT *tsi*₃, SHON *tsia*₄, PIN *tse*₃; а.2) {這蜀隻 ~ 者一隻} NND *tsa?*₆-*søk*₆-*ie?*₆, FQN *tsie*₃-*syo*₁-*zja*₅; а.3) {這一} ZHN *tsai*₄-*it*₆; а.4) {這個} FDN *tsi*₃-*koi*₄ || ПВМ {這隻} **tsi*₃-*tsiek*₆

Представленные во всем ВМ ареале формы очевидно не могут восходить к КДК этимону 此 **c^hé* (основная лексема для выражения ближнего дейксиса), но, вероятно, связаны с СК этимоном 𠄎 ‘этот’, фиксируемом в требуемом значении начиная с эпохи Пяти династий (Лоренц 2020: 155; Starostin 2019: 169). В поздне-СК это местоимение записывается знаком 這 (специальный графический вариант, пришедший на смену более раннему 者); в миньской транскрипции чаще всего используется он же, но может также встречаться как 者, так и 此 (последний — исключительно из-за семантической близости).

Местоимение часто фиксируется в биномиальной форме; наиболее широко распространено в качестве второго компонента счетное слово 隻 (КДК **tek*) ‘один (из пары)’. На стыке морфем инициаль второго слога в ряде диалектов апокопируется; иногда наблюдается полное стяжение в однослог, как в диалектах FUA и HUB. В единственном случае замечен вариант с альтернативным счетным словом а.4) 個 (КДК **kājh* ‘штука’).

В диалектах NND, FQN (а.3) и ZHN (а.4) обнаружено две расширяющих морфемы с семантикой ‘один’, разных по своему происхождению: в первом случае используется 蜀 (КДК **zók*; см. разбор лексемы ‘один’), во втором — лексема, восходящая к КДК — **?it* ‘один’.

²⁷ А. Хироюки в качестве синонима для шоуиньского диалекта указывает лексему 註 *tsyø*₄; ее происхождение и семантическая специфика остаются неясными (Hiroyuki 2020: 683).

²⁸ М. Накадзима также фиксирует синонимичную форму *hui*₂, которая, по всей видимости, представляет собой стяжение из 許回 *tsi*₄ *uoi*₂ (Nakajima 1979: 262; Liu & He 1998: 548).

87) «**thou/ты**»: {汝} FCH nø₃, GTN ny₃, NND ny₃, HUB ny₃, XNC ny₃, JDU ny₃, ZHN ny₃, FDN ni₃, FQN ny₃, CNL ly₃, YNT ny₃, FUA ni₃, SHON ny₃, PIN ny₃ || ПВМ {汝} *ny₃

КДК этимон 汝 *n^há стабильно сохраняется в ВМ ветви. Этот же корень широко распространен в южных и цюньвэньских диалектах (Лоренц 2020: 156).

88) «**tongue/язык**»: а) {嘴舌} FCH ts^hui₄=liek₇, HUB ts^hui₄=let₆, XNC t^hui₄=lit₆, JDU ɕy₄=let₅, FQN ts^hui₄=(s)lie₇, CNL ts^hui₁=liek₇, YNT ts^huoi₁=lie₇, FUA ts^hi₄=lik₇, SHON ts^hy₄=tsie₇, PIN ts^hui₄=zeik₇; а.1) {舌} GTN sie₇, NND set₇, ZHN sik₇, FDN sie₇ || ПВМ {嘴舌} *ts^hui₄-liet₇

КДК этимон 舌 *lat ‘язык’ стабильно сохраняется по всему миньскому континууму, однако чаще всего встречается в форме а), расширенной до бинорма с помощью компонента 喙 (КДК *ʰwas) ‘рот’ (см. ‘mouth/рот’ выше; Лоренц 2020: 156).

89) «**tooth/зуб**»: а) {喙齒 ~ 喙齒} GTN ts^hy₄=i₃, NND ts^hi₄=i₃, HUB (ts^hy) ts^hui₄=i₃, XNC ɕy₄=ei₃, JDU ɕy₄=i₃, ZHN ts^hi₄=i₃, FQN ts^hui₄=k^hi₃, FUA ts^hi₄=i₃, SHON ts^hy₄=k^hi₃, PIN ts^hu₄=i₃; б) {牙齒} FDN ŋa₂-k^hi₃, FCH ŋai₃, CNL ŋai₃, YNT ŋai₃, FQN ŋai₃ || ПВМ {喙齒} *ts^hui₄-k^hi₃

КДК этимон 齒 *t^hǎ ~ *k^hǎ²⁹ ‘зуб’ (применяется как к людям, так и к животным; Starostin 2019: 169) представлен во всех ВМ диалектах, но только в составе вариантов, расширенных до двусложного состояния. Наиболее частотным расширителем оказывается 喙 (КДК *ʰwas) ‘рот’ (см. выше ‘mouth/рот’); при этом выпадение глухой придыхательной инициали k^h- во втором слоге оказывается регулярным в случае, если финаль первого слога оканчивается на гласный (Hiroyuki 2018: 29).

В нескольких диалектах см. (б) КДК 齒 *k^hǎ также образует бинорм с КДК 牙 *ŋrā ‘зуб животного’ (слово было исходно заимствовано в КДК из австроазиатских языков с исходным значением ‘бивень’, ‘зуб животного’, ‘клык’ в ходе торговых отношений и закупок изделий из кости северным Китаем, см. Starostin 2019: 169; Norman & Mei 2000: 475). В четырех диалектах эти два корня стягиваются в однослог ŋai₃, на что однозначно указывает терминаль -i (Norman & Mei 2000: 480). Мы предполагаем, что в таком стяжении «лексический» акцент смещен на основу 牙 *ŋrā.

90) «**tree/дерево**»: {樹} FCH ts^hiu₅, GTN ts^hiu₅, NND ts^heu₅, HUB t^hiu₅, XNC ɕiu₅, JDU t^heu₅, ZHN ts^heu₅, FDN ts^hiu₅, FQN ts^hiu₅#, CNL ts^hiu₁#, YNT ts^hieu₁#, FUA ts^hiu₄#, SHON ts^hiu₁#, PIN ts^hiu₅ || ПВМ {樹} *ts^hiu₅

91) «**two/два**»: {兩} FCH naŋ₅, GTN laŋ₅#, NND laŋ₅#, HUB laŋ₅, XNC laŋ₅, JDU laŋ₅, ZHN laŋ₅#, FDN laŋ₅#, FQN laŋ₅#, CNL laŋ₆# (LH), YNT laŋ₆# (LH), FUA laŋ₆# (LH), SHON laŋ₆# (LH), PIN laŋ₅ || ПВМ {兩} *laŋ₅

92) «**walk (go)/идти**»: {去} FCH k^ho₄, FQN k^hie₄#, HUB k^hyø₄, XNC k^hyø₄, JDU k^hio₄, FUA k^hø₄ (H), SHON k^hyø₄ (H), PIN k^hœ₄ || ПВМ {去} *k^hø₄

93) «**warm (hot)/горячий**»: а) {熱(農)} FCH iek₇, GTN ie₇, NND et₇, HUB et₇, XNC it₇, JDU et₇, ZHN i₇, FDN ie₇, FQN ie₇, SHON ie₇ (H), FUA i₇-(nœuŋ₀) (H), PIN eik₇-(nœuŋ₀); б) {•農~•暖} HUB kɔŋ₂, JDU kɔŋ₂, XNC kɔŋ₂, FUA kɔuŋ₂-(nœuŋ₀) (H), PIN kɔuŋ₂-(nœuŋ₀) || ПВМ {熱} *iet₇ и ПВМ *kɔŋ₂

В миньдунских диалектах существует два разных корня для передачи значения ‘горячий’; как правило, унаследованный от КДК этимон 熱 *ŋet используется в сочетании с погодой, а альтернативный корень *kɔŋ₂ (с неясной этимологией) обычно характеризует ‘горячие’ объекты. В данной ситуации мы выводим на прауровень оба корня в качестве «технических» синонимов.

²⁹ ДК реконструкция инициали неоднозначна; миньские диалекты стабильно отражают вариант с заднеязычным согласным.

Отметим, что внутри ВМ наблюдается четкое лексическое противопоставление между значениями ‘теплый’ и ‘горячий’: в значении ‘теплый’ употребляются формы, восходящие к ҚДК 暖 *nōn (SHON nɔŋ₃ (H) ~ t^hɔŋ_{7-næŋ₀ (H), HUB nɔŋ₃, XNC nɔŋ₃, JDU nɔŋ₃, FUA nɔŋ₃ (H), PIN nɔŋ₃ (H)). Любопытно, что эта же основа в некоторых диалектах может служить расширителем в составе бинорма ‘горячий’ (т. е. ‘горячий’ = ‘горячий-теплый’).}

94) «water/вода»: {水} FCH tsui₃, GTN tsui₃, NND tsui₃, HUB tɕy₅, XNC tɕy₃, JDU tɕy₅, ZHN tsui₃, FDN tsy₃, FQN tsui₃, CNL tsui₃#, YNT tsuoi₃#, FUA tsi₃, SHON tsy₃, PIN tsuoi₃ || ПВМ {水} *tsui₃

95) «we/мы»: а) {我各儂 ~ 我各人} FCH ŋuai₁-ko₃-nøŋ₂³⁰, GTN ŋuai₃-ɔu₆-nøŋ₂, NND ua₃-kɔ₆-nøŋ₂, HUB ua₃-kœ₆-nœu₃, FQN ŋua₃-ko₄-nøŋ₂, CNL ŋuoi₃-o₆-løŋ₂, PIN uai₃-u₆-nœŋ₂; а.1) {我儕} ZHN uε₃-lε₂, FUA ŋo₁-ε₀, PIN uai₃-(z)ε₂; а.2) {我儕儂} HUB ua₃-tɕε₂-nœu₃, XNC ua₃-tɕε₂-nœŋ₂, JDU ua₃-tsε₂-nœu₀; а.3) {我儂} FDN uε₃-nœŋ₂; а.4) {儂家} FQN nøŋ₂-(k-)ŋa₁; а.4.1) {儂家依} YNT naŋ₂-ŋa₁-nøŋ₂; а.5) {我儕家儂} SHON ua₃-tsi₂-ka₄-nœŋ₂ || ПВМ {我各儂} *ŋuai₃-kɔ₆-nœŋ₂ и {我儕} *ŋuai₃-tsε₂

В классических текстах этимон 我 *ŋ^háj совмещал в себе семантику единственного и множественного числа. В миньдунских диалектах эта морфема сохраняется, однако при передаче значения ‘мы’ она всегда расширяется за счет различных суффиксальных элементов.

Шире всего в этой функции используется морфемная последовательность а) 各儂 (ҚДК *kāk-nūŋ), букв. ‘каждый человек’; реже встречается вариант а.3) без морфемы 各 *kāk ‘каждый’. Еще одна возможная суффиксальная морфема — известный с ханьского времени маркер множественного числа 儕 (ҚДК *zrāj) с исходной семантикой ‘группа, категория, сверстники, товарищи’, инициаль которой ассимилируется на стыке основ. В диалектах HUB, XNC, JDU (см. а.2) этот суффикс вступает в сочетание с вышеупомянутой морфемой 儂 *nūŋ ‘человек’.

Наконец, еще одним показателем множественности (а.4) может служить морфема 家 (ҚДК *krā) ‘дом, семья’, которая также может сочетаться с 儂 *nūŋ ‘человек’ (а.4.1), (а.5).

Очевидно, что на ПВМ уровне значение ‘мы’ выражалось той же корневой морфемой, что и ‘я’, но однозначно восстановить базовый для этого хронологического этапа суффиксальный расширитель не удастся. Как «технические синонимы» на ПВМ уровень можно вывести две лексемы: {我各儂} *ŋuai₃-kɔ₆-nœŋ₂ и {我儕} *ŋuai₃-tsε₂.

96) «what/что»: а) {甚毛 ~ 什毛} FCH θiek³¹-nok₆, HUB θi₇-nɔ₅, XNC (ɕit₅)-nɔ₆, JDU (ɕit₆)-nɔ₇; а.1) {乜毛 ~ 麼毛 ~ 呢毛 ~ 若毛} ZHN mi₆-nɔ₆, FQN mie₄-nɔ₅, FUA mi₁-nɔ₆, SHON ni₁-nɔ₄; а.2) {哪毛 ~ 毛毛} NND nɔ₇-nɔ₆, HUB nɔ₆-nɔ₄-nɔ₆-nɔ₀; FDN nɔ₅-nɔ₄, YNT nɔ₅-nɔ₆, PIN (nɔ₁)-nɔ₄; а.3) {甚毛 ~ 什毛} FCH θien₂-nok₆, CNL sien₂-nɔ₆; а.4) {甚毛} GTN sia₄-nɔ₆³² || ПВМ {乜毛} *mi₁-nɔ₆

ҚДК этимон 何 *g^hāj был утрачен еще на общеминьском уровне, так как не сохранился ни в одной из ветвей современных языков-потомков (Лоренц 2020: 158). Вместо него в ВМ используются два бинорма, происхождение и развитие каждого из которых достаточно проблематично.

Первый компонент бинорма 什毛 (а), географически ограниченного центральным ареалом провинции Фуцзянь, несмотря на иероглифическую транскрипцию, невоз-

³⁰ По данным материалов Chen & Li (1991: 114) в фучжоуском диалекте используется форма 儂家 naŋ₂-ŋa₁, которую Накадзима (Nakajima 1979: 261) считает эксклюзивной.

³¹ М. Накадзима указывает регистровый тон 3, который, вероятно, соотносится с тоном 7 («темный входящий» 陽入; Nakajima 1979: 262).

³² В двух альтернативных источниках для диалекта гутянь указывается односложный вариант (哪)毛 nɔ₆ (Lin 2002: 75; Liu & He 1998: 548).

можно этимологически отождествлять с первым компонентом хорошо известной СК вопросительной лексемы 什麼 *zim-mwá* ‘что?’ (впервые зафиксирована в произведении 壇經 «Сутра помоста шестого патриарха», VII–VIII вв. н.э; см. NYDC I: 1101) из-за наличия в нем финали *-t. (Особо следует отметить форму *sia*₄- в диалекте GTN, которая из-за своей тональной характеристики не может быть этимологически тождественной корню *sit, но при этом также не имеет понятной этимологии.) Однако именно этот компонент, скорее всего, представлен в формах группы а.3; допустимо его проникновение в диалекты FCH и CNL уже из литературного языка.

Второй компонент этого же бинорма 乇 *nɔ̌₆ ‘вещь’ (условно записывается знаком ‘листик травы’, отобранным по принципу фонетической созвучности) не имеет исконно китайской этимологии. Не исключено его заимствование из австроазиатских языков, ср. такие фонетически близкие формы в бахнарической ветви, как бунор *na:w*, центральный ролом *nɔ*: (Shorto 1995: 553).

Сравнительно часто также встречается бинорм 乇乇, в котором первая лексема 乇 (СК *má*) может быть усеченной формой старого КДК корня 物 *m^hət ‘вещь’, которая сама берет на себя функции вопросительного местоимения. Для записи этой морфемы используется целый ряд знаков: (а) 麼 (СК *mwa*, суффикс вопросительных и указательных местоимений); (б) 呢 (СК *ni*, конечная частица); (в) 若 (СК *nak* ‘такой’, ‘быть похожим на’), см. NYDC III: 312; IX: 328.

Наконец, иногда вопросительное местоимение образуется просто из редупликации лексемы 乇 ‘вещь’ (а.2).

Таким образом, объединяющим все перечисленные варианты элементом оказывается морфема второго слога *nɔ̌₆ ‘вещь’, в то время как первый слог варьирует от диалекта к диалекту. Учитывая, что двуслог 乇乇 мог распространиться из-за влияния литературного языка, логично реконструировать на ПВМ уровне форму {乇乇} *mi₁-nɔ̌₆.

97) «white/белый»: {白} FCH pak₇, GTN paʔ₇, NND paʔ₇, HUB paʔ₇, XNC paʔ₇, JDU pa₇, ZHN paʔ₇, FDN pa₇, FQN pa₁#, CNL pa₁#, YNT pa₇#, FUA pa₇#, SHON paʔ₇#, PIN pa₁ || ПВМ {白} *pak₇

98) «who/кто»: а) {底儂 ~ 底人} FCH tak₇-nøŋ₂, GTN tøyŋ₁, NND ti₅-nøŋ₂, ZHN tœŋ₃, FQN tie₁-nøŋ₂, CNL tø₁-løŋ₂, YNT ti₁-nøŋ₂, FUA tœŋ₃; б) {乇儂 ~ 哪儂} FDN no₇-neŋ₄, HUB nœŋ₄³³, XNC nœŋ₄³⁴, JDU nɔ̌₆-nœŋ₀~nœŋ₄, PIN nœŋ₃; б.1) {呢乇儂} SHON ni₁-nɔ̌₆-neŋ₂ || ПВМ {底儂} *ti₁-nœŋ₂ и ПВМ {乇儂} *nɔ̌₆-nœŋ₂

КДК этимон 誰 *dwəj ‘кто?’ (Starostin 2019: 164), не представленный в ВМ диалектах, заменяется на двуслог 底人 (СК *tiej-nōŋ*). Первый из двух компонентов здесь — вопросительное слово 底 (СК *tiej*), впервые зафиксированное в литературных памятниках начиная с эпохи Тан, а второй — уже известная нам лексема 儂 КДК *nīŋ ‘человек’. В ряде диалектов двуслог стягивается в односложный вариант.

В другом композите б), который также сравнительно часто используется в миньдунских диалектах, выделяется первый компонент 乇 *nɔ̌₆ ‘вещь’ (см. выше ‘what/что’). Бинорм 乇儂 также может стягиваться в однослог; помимо этого, в диалекте SHON наблюдается трехсложная форма, расширенная за счет вопросительного слова 乇 (СК *má*, см. выше ‘what/что’).

Исходя из связи между лексемами ‘who/кто’ и ‘what/что’, мы предполагаем, что формы, маркированные индексом (б), скорее всего появились под влиянием лексем

³³ Для диалекта хубэй в данном слове Хироюки указывает регистровый тон 52, который, возможно, следует относить к тональной категории 4 («темный падающий» 陰去).

³⁴ Хироюки указывает регистровый тон 53, который, вероятно, соотносится с тоном 4 («темный падающий», 陰去).

‘what/что’. Поскольку формы (a) {底儂} $*ti_1-n\alpha\eta_2$ и (b) {乜儂} $*n\alpha_6-n\alpha\eta_2$ имеют смешанную дистрибуцию, их можно вывести на прауровень в качестве технических синонимов; однако стоит учесть, что по крайней мере теоретически формы из группы (b) могли развиться вторично по аналогии с соответствующими неодушевленными местоимениями.

99) «woman/женщина»: a) {作母 ~ 晉母} NND $ts\alpha m_6=mu_3$, HUB $t\dot{f}im_4=mu\alpha_3$, XNC $t\dot{c}in_4=mu_3$, JDU $t\dot{c}im_4=mu_3$; a.1) {做母儂 ~ 諸母儂} FDN $ts\alpha\eta_5=mu\alpha_1-n\eta_2$, SHON $tsy\alpha_1=mu\alpha_3-n\eta_2$; b) {婦女儂 ~ 婦女人} GTN $xu_5=ny_3-n\alpha\eta_2$, ZHN $xu_5=ny_3-n\alpha\eta_2$, PIN $xu_1=ny_3-n\alpha\eta_3$; b.1) {女子} FCH $ny_6-y_3^{35}$; b.2) {女界} FCH $ny_1-ai_4^{36}$, CNL ny_1-ai_4 ; c) {諸娘儂} FQN $tsy_1=n\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$, YNT $tsy_1=ny\alpha\eta_2-ny\alpha\eta_2$; c.1) {諸娘} FUA $tsi_1=n\alpha\eta_2$ || ПВМ {諸娘儂} $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$ и ПВМ {婦女儂} $*hu_5=ny_3-n\alpha\eta_2$

Наши данные отражают три разных корня на территории распространения ВМ диалектов, включая архаичный КДК корень 女 $*nr\acute{a}$ ‘женщина’ (b), который, как правило, употребляется в составе композитов, причем чаще всего в связке с префигированным компонентом 婦 $*b\acute{a}$ (исходно — ‘жена, супруга’). В качестве третьего компонента обычно выступает КДК 儂 $*n\dot{i}\eta$ ‘человек’, но иногда вместо него используется десемантизированный суффикс 子 (КДК $*c\acute{a}$) ‘сын, ребенок’ и лексема 界 (КДК $*kr\acute{e}\acute{c}$) ‘граница → группа, класс’, где в обоих случаях происходит ассимиляция на стыке морфем. Корень преимущественно употребляется в центральной и северной частях провинции Фуцзянь.

Ареал распространения КДК корня 母 $*m\acute{a}$ ‘мать’, с достаточно логичным семантическим сдвигом (‘мать’ → ‘женщина’), ограничен преимущественно севером провинции Фуцзянь. Префикс, образующий композит с данным корнем, наблюдается, кроме восточной, также в *пусяньской* и в *южной* ветвях; как правило, он образует термины родства и гендерные лексемы. Согласно мнению Дун Чжунсы, префикс $t(s)a-$ является реликтом языка древнего государства Минь-юэ и имеет корреляты в диалектах мяо-яо, чжуан и др., однако достоверно отследить историю его появления в миньских диалектах затруднительно (Dong 1993: 102). Единого, строго фиксированного иероглифического знака для этого префикса не существует; все эквиваленты подобраны по принципу фонетического сходства. Суффиксом в данных композитах, как и в случае с КДК 女 $*nr\acute{a}$ ‘женщина’, выступает лексема 儂 $*n\dot{i}\eta$ ‘человек’.

Наконец, третий корень (c) родственен СК основе 娘 $n\alpha\eta$ ‘девушка’, зафиксированной начиная с эпохи Тан; он также может образовывать композит с реликтовым префиксом и с суффиксом 儂 $*n\dot{i}\eta$ ‘человек’. Согласно дополнительным данным по источнику Liu & He 1998 эта основа имеет самую широкую дистрибуцию в ВМ ареале, будучи также представлена в следующих диалектах: {諸娘儂} лянцзян $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$, миньцин $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$, гутянь $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$, пиннань $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$, лоюань $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$ (Liu & He 1998: 512). Видно, что данные по диалекту гутянь и пиннань расходятся с теми, которые представлены в наших основных источниках.

Поскольку дистрибуция различных этимонов по географическим ареалам и ветвям носит достаточно хаотичный характер, на ПВМ уровень в качестве «технических» синонимов следует выносить трехсложные основы 婦女儂 $*hu_5=ny_3-n\alpha\eta_2$ и 諸娘儂 $tsy_1=ny\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$.

³⁵ Данная форма (предположительно) появилась в фучжоуском диалекте под влиянием литературного языка.

³⁶ Ли Жулун в своем словаре по фучжоускому диалекту указывает также синонимичный вариант 諸娘儂 $tsy_1=n\alpha\eta_2-n\alpha\eta_2$ с полисемичным значением ‘женщина, жена’ (Li & Chen 1994: 334). Возможно, это указывает на существование двух конкурирующих основ.

100) «yellow/желтый»: {黃} FCH uoŋ₂, GTN uoŋ₂, NND uŋ₂, HUB uoŋ₂, XNC uŋ₂, JDU uŋ₂, ZHN uŋ₂, FDN uoŋ₂, FQN uoŋ₂#, CNL uoŋ₁#, YNT uoŋ₁#, FUA wuŋ₂ (H), SHON uoŋ₂#, PIN ouŋ₂ || ПБМ {黃} *uoŋ₂

101) «far/далеко»: {遠} FCH huŋ₅, GTN xuŋ₅, NND xun₅, HUB xuŋ₅, XNC hun₅, JDU hun₅, ZHN xun₅, FDN xuŋ₅, FQN huŋ₅, FUA huŋ₅ (H), SHON xuŋ₅ (H), PIN xouŋ₅ || ПБМ {遠} *huŋ₅

102) «heavy/тяжелый»: {重} FCH tøyŋ₅, GTN tøyŋ₅, NND tøyŋ₅, HUB tøyŋ₅, XNC tøyŋ₅, JDU tøyŋ₅, ZHN tøyŋ₅, FDN tøyŋ₅, FQN tøyŋ₅ (H), FUA tøyŋ₅ (H), SHON tøyŋ₅ (H), PIN tøyŋ₅ || ПБМ {重} *tøyŋ₅

103) «near/близко»: {近} FCH køyŋ₅, HUB køyŋ₅, XNC køyŋ₅, JDU køyŋ₅, FQN køyŋ₅, FUA køyŋ₅ (H), SHON kyŋ₅ (H), PIN køyŋ₅ || ПБМ {近} *køyŋ₅

104) «salt/соль»: {鹽}³⁷ FCH sieŋ₅ (LH)³⁸, GTN siŋ₅#, NND sim₅, HUB θiem₂, XNC θim₂, JDU sim₂, ZHN sim₅, FDN sieŋ₅, FQN sieŋ₂, CNL sieŋ₅ (LH), YNT sieŋ₅ (LH), FUA siŋ₅ (LH), SHON sieŋ₅ (LH), PIN siŋ₅ (LH) || ПБМ {鹽} *sieŋ₅

105) «short/короткий»: {短} FCH tøy₃, GTN toi₃, NND tøy₃, HUB tai₃, XNC tøy₃, JDU tøy₃, ZHN tai₃, FDN toi₃, FQN toi₃#, FUA tai₃, SHON tõi₃, PIN tõi₃ || ПБМ {短} *toi₃

Здесь мы постулируем лексическую инновацию уже на общеминьском уровне, т.к. корень не восходит к КДК этимону 短 *twán (примеров на отражение КДК финали *-wán как *-oi, очевидно, нет).

106) «snake/змея»: a) {老蛇} HUB lau₂=lie₂, XNC lau₁=lie₂, JDU lau₂=lie₂, FQN lo₂=sia₁ (zia₁), CNL lau₁=lie₂, YNT lau₁=lie₂, FUA lau₁=e₂, SHON lau₁=sia₂, PIN lau₂³⁹=se₂; a.1) {蛇} FCH θie₂, GTN sie₂, NND sie₂, ZHN sie₂, FDN sia₂ || ПБМ {老蛇} *lau₁=sie₂

107) «thin/тонкий»: {薄} FCH pok₇, HUB pɔʔ₇, XNC pɔʔ₇, JDU pɔʔ₇, FQN pɔ₁(H), FUA pɔʔ₇ (H), SHON pɔʔ₇ (H), PIN pɔ₁ || ПБМ {薄} *pok₇

108) «wind/ветер»: {風} FCH huŋ₁, GTN huŋ₁#(LN)⁴⁰, NND xuŋ₁#(LN), HUB xuŋ₁, XNC huŋ₁, JDU huŋ₁, ZHN xuŋ₁#(LN), FDN xuŋ₁#(ln), FQN huŋ₁#, CNL huŋ₁#, YNT huŋ₁#, FUA huŋ₁#, SHON xuŋ₁#⁴¹, PIN xuŋ₁ || ПБМ {風} *huŋ₁

109) «worm/червяк»: a) {猴蚓} NND kau₂=ɔn₃, HUB kau₂=uɔn₃, XNC kau₂=ɔn₃, JDU kau₁=yn₃, ZHN ka₂=yn₃, FDN kau₂=oŋ₃, CNL ka₃=uŋ₃, YNT kau₁=uŋ₃, FUA ka₂=uŋ₃, SHON kau₂=xoŋ₃; a.1) {牙蚓} FCH ŋauŋ₃, GTN nie₄=ɔuŋ₃, PIN mi₄=ɔuŋ₃; a.2) FQN {琴蚓} k^hiŋ₂=ŋɔŋ₃ || ПБМ {猴蚓} *kau₂=oŋ₃

Формы группы (a) внешне напоминают двусложный КДК этимон 蚯蚓 *k^hu-Lón ‘дождевой червь’, но никак не могут быть выведены из него фонетически; отсюда можно сделать заключение, что соответствующий двуслог мог иметь исконно несинитическое происхождение и параллельно (независимо) заимствоваться из неизвестного источника как в КДК, так и в миньские диалекты. Косвенно на это могут намекать и варианты,

³⁷ Большинство ВМ диалектов имеют литературное чтение: FCH sieŋ₂, CNL sieŋ₂, GTN sieŋ₂, PIN siŋ₂, NND sim₂, FUA siŋ₂, ZHN θim₂, SHON sieŋ₂, FDN sieŋ₂ (Liu & He 1998: 481–482).

³⁸ Лексема в фучжоуском диалекте указана согласно данным сборника Liu & He 1998: 481, так как в основном источнике (Nakajima 1979: 45) указано литературное чтение θieŋ₂.

³⁹ Хироюки указывает регистровый тон 44, который, скорее всего, соотносится с тоном 2 («светлый ровный» 陽平; Hiroyuki 2020: 675).

⁴⁰ Линь Ханьшэн указывает регистровый номер 44, который, вероятно, соотносится с тоном 1 («темный ровный» 陰平; Lin 2002: 33).

⁴¹ Аналогичная ситуация, см. сноску 39.

представленные в подгруппах а.1 и а.2, первый слог в которых отличается от первого слога в основном варианте; это может быть отражением префиксальной вариативности в источнике (источниках) заимствования.

110) «**year/год**»: {年} FCH *nien*₂, GTN *nien*_{2#}, NND *nin*_{2#}, HUB *nien*₂, XNC *nin*₂, JDU *nin*₂, ZHN *nin*_{2#}, FDN *nien*_{2#}, FQN *nien*₂, CNL *lien*₃ (*nien*₃)#, YNT *nien*_{2#}, FUA *nien*_{2#}, SHON *nien*_{2#}, PIN *nien*₂ || ПВМ {年} **nien*₂

Анализ

Сопоставление КДК базовой лексики и форм, реконструированных для ПВМ, показывает 63 случая (57%) несомненного совпадения корневых морфем. Помимо этого, 11 ПВМ реконструкций продолжают позднедревнекитайские инновации, постепенно заместившие КДК эквиваленты начиная с эпохи Хань (II в. до н.э. — III в. н.э.): ‘все’ ПДК 都 **tā* → ПВМ 都 **tu*₁; ‘жечь’ ПДК 燒 **šjetw* → ПВМ 燒 **šiwu*₁; ‘полный’ ПДК 滿 **mān* → ПВМ 滿 **miu*₃; ‘хороший’ ПДК 好 **háw* → ПВМ 好 **xo*₃; ‘голова’ ПДК 頭 **d^həw* → ПВМ 頭 **t^hau*₂; ‘слышать’ ПДК 聽 **t^hiēŋ* → ПВМ 聽 **t^hiaŋ*₁; ‘красный’ ПДК 紅 **ɣwōŋ* → ПВМ 紅 **oŋ*₂; ‘кожа’ ПДК 皮 **b^he* → ПВМ 皮 **p^hui*₂; ‘дерево’ ПДК 樹 **š^hwo* → ПВМ 樹 **t^hiu*₅; ‘два’ ПДК 兩 **l^háŋ* → ПВМ 兩 **laŋ*₅; ‘идти’ 去 **k^hò* → ПВМ 去 **k^hø*₄.

Далее, анализ отчетливо показывает, что в большинстве случаев, когда ПВМ отклоняется от языка письменных памятников КДК и ПДК, он наследует общеминьские инновации (общеминьские формы, ввиду ряда проблем с их фонетической реконструкцией, приводятся ниже с позднедревнекитайскими, а не собственно праминьскими чтениями):

- ‘кусать’: ПМ 咬 **ɣáw* → ПВМ 咬 **ka*₅
- ‘черный’: ПМ 烏 **?ō* → ПВМ 烏 **u*₁
- ‘ноготь’: ПМ 甲 **kāp* → ПВМ 指甲 **tsiŋ*₃=*kap*₆
- ‘земля’: ПМ 塗 **d^hō* → ПВМ 塗 **t^hu*₂
- ‘нога’: ПМ 骹 **k^hāw* → ПВМ 跤 **k^ha*₁
- ‘давать’: ПМ 乞 **k^hit* → ПВМ 乞 **k^hyt*₆
- ‘убивать’: ПМ 劊 **d^hāi* → ПВМ 劊 **t^hai*₂
- ‘колени’: ПМ 骹 **k^hāw* → ПВМ 骹肚頭 **k^ha*₁-*lu*₃-*lau*₂ ~ **k^ha*₁-*lu*₃-*t^hau*₂
- ‘лист’: ПМ 箬 **háuk* → ПВМ 箬 **niok*₇
- ‘лежать’: ПМ 倒 **tá* → ПВМ 倒 **tɔ*₃
- ‘рот’: ПМ 喙 **č^hwaś* → ПВМ 喙 **t^hui*₄
- ‘шея’: ПМ 脰 **d^hòw* → ПВМ 脰項 **tau*₅-*uŋ*₃
- ‘ночь’: ПМ 暝 **miēŋ* → ПВМ 暝晡 **maŋ*₂-*mi*₁
- ‘не’: ПМ 無 **mwo* (**ŋwo*) → ПВМ **m*₂ (~**ŋ*₂)
- ‘один’: ПМ 蜀 **šok* → ПВМ 蜀 **suok*₇
- ‘человек’: ПМ 儂 **nāuŋ* → ПВМ 儂 **næŋ*₂
- ‘сказать’: ПМ 講 **kōŋ* и 話 **wāŋ* → ПВМ 講話 **kōŋ*₃-*ua*₅
- ‘спать’: ПМ 睏 **k^hwəŋ* → ПВМ 睏 **k^hoŋ*₅
- ‘стоять’: ПМ 企 **k^hjé* → ПВМ 倚 **k^hie*₅
- ‘тот’: ПМ 許 **hó* → ПВМ 許隻 **hi*₃-*tsiek*₆
- ‘этот’: ПМ 茲 **cji* → ПВМ 這隻 **tsi*₃-*tsiek*₆
- ‘кто’: ПМ 底儂 **táj-nāuŋ* → ПВМ 底儂 **ti*₁-*næŋ*₂ и ПВМ 乜儂 **nɔ*₆-*næŋ*₂
- ‘короткий’: ПМ 短 *tuei*₃ → ПВМ 短 **toi*₃
- ‘червяк’: ПМ 蚓 **ún* → ПВМ 猴蚓 **kau*₂=*oŋ*₃

Удалось выявить лишь три специфически восточноминьские инновации, не имеющие прямых аналогов ни в КДК/ПДК, ни в СК, ни в ПМ:

- ‘пепел’: КДК 灰 **māj* → ПВМ 火焮 **hui₃=hu₁*
- ‘много’: КДК 多 **tāj* → ПВМ **se₆*
- ‘маленький’: 小 КДК **séw* → ПВМ 嫩 **nɛn₅*

Единственным случаем внутри 100-словного списка, когда ПВМ этимон продолжает непосредственно КДК этимон, «минуя» ПДК состояние, оказывается уже упоминавшаяся выше лексема ‘собака’ (КДК 犬 **k^{hw}in* → ПВМ **k^hɛŋ₃*). Очевидно, что этого аргумента недостаточно для того, чтобы выделять восточноминьские языки в отдельную ветвь. Скорее можно было бы предполагать, что ‘собака’ унаследована ВМ ветвью от неизвестного нам «доминьского» диалектного субстрата, который некоторое время сосуществовал с носителями ВМ языков на территории современной провинции Фуцзянь; возможно, какие-то дополнительные аргументы в поддержку этой гипотезы удастся получить в ходе более глубокого изучения как базисной, так и культурной лексики миньдунской ветви.

Безусловный интерес вызывает небольшой слой предположительно австроазиатской лексики (см. ‘сухой’, ‘знать’; диминутив ‘ребенок, сын’ в составе двуслога ‘семя’ и др.), существование которого отмечено уже Дж. Норманом (Norman 1991). Кроме этого, в базисной лексике миньдунских диалектов также прослеживаются заимствования из тай-кадайской семьи, например: ‘кусать’, ‘убивать’, ‘полный’. Впрочем, перечисленные заимствования не являются исключительными для восточных диалектов: так, лексемы ‘кусать’, ‘сухой’, ‘убивать’ прослеживаются по всему миньскому ареалу, а ‘полный’ и ‘знать’, наряду с диминутивом ‘ребенок, сын’, представлены также в южной ветви (Лоренц 2020: 166). Таким образом, эти формы можно восстанавливать для праминьского состояния и считать их свидетельством в пользу тесных контактов с некитаеязычными носителями еще до разделения праминьского на отдельные ветви.

Отдельно перечислим основные замены в конкретных ВМ диалектах, отделяющих их от ПВМ состояния:

- PIN: ‘что’ {哪毛~毛毛} (*nɔ₁*)-*nɔ₄*; ‘давать’ *k^huai₄#*; ‘лежать’ {筊倒} *ɔiŋ₅=tɔ₃*
- XNC: ‘лежать’ {筊倒} *æ₃=tɔ₃*; ‘один’ {蜀} *git₇*
- SHON ‘видеть’ {映着} *ɔŋ₅-tyø₇*; ‘один’ {蜀} *sí₇*
- FUA: ‘давать’ {錢} *tsiŋ₂#*; ‘один’ {蜀} *sik₇#*
- JDU: ‘лежать’ *æiŋ₃*
- HUB: ‘что’ {哪毛~毛毛} *nɔ₇₆*-*nɔ₄*~*nɔ₇₆*-*nɔ₀*
- FDN: ‘что’ {哪毛~毛毛} *no₅*-*no₄*
- NND: ‘что’ {哪毛~毛毛} *nɔ₇*-*nɔ₆*
- YNT: ‘что’ {哪毛~毛毛} *no₅*-*no₆*

Новейшее генеалогическое дерево восточноминьской ветви (рис. 3), полученное после включения дополнительных диалектов и исправления ряда ошибок в списках, в целом подтверждает распределение конкретных диалектов по ветвям фунин и хоугуань, предложенное в LACD 2012, за исключением диалектов пиннань и чжоунин, которые оказываются включенными в противоположные ветви; действительно, пиннань, например, обнаруживает как общие инновации с фунин (‘человек’), так и с хоугуань (‘лежать’). Очевидно, что, ввиду неизбежных статистических погрешностей на столь близком уровне родства, вопрос уточнения классификации этих диалектов должен будет решаться на значительно большем количестве материала (как минимум на 200-словных списках базисной лексики).

Интересной особенностью стал факт, что непосредственно диалект ниндэ не вошел в т.н. «кластер ниндэ» (по А. Хироюки), образованный диалектами HUB, XNC, JDU. Анализ показывает, что диалект ниндэ лексически ближе к диалектам фудин и шоунин, чем к трем диалектам, распространенным в окрестностях г. Ниндэ и описанным в работах Хироюки. Ключевым разделяющим элементом в нашем случае оказывается лексема ‘кто’: 毛儂 ~ 哪儂 HUB $næiŋ_4$, XNC $næŋ_4$, JDU $nɔ_6-næiŋ_0$, но NND 底儂 $ti_5-nøŋ_2$ (она же сближает диалект ниндэ с гутянь и чжоунин: GTN $təuŋ_1$, ZHN $tæiŋ_3$). Напротив, единственной эксклюзивной изоглоссой между диалектом ниндэ и (единственным из «кластера ниндэ») диалектом хубэй оказывается лексема ‘что’ 哪毛 ~ 毛毛: HUB $nɔ_6-nɔ_4 \sim nɔ_6-nɔ_0$, NND $nɔ_7-nɔ_6$; впрочем, она же представлена и в диалектах FDN (no_5-no_4) и YNT (no_5-no_6). Помимо этого, диалект хубэй показывает одну эксклюзивную инновацию ($k^hɔn_4$ ‘лежать’); также стоит обратить внимание на любопытную изоглоссу ‘лежать’ между цзюду, пиннань и сяньцунь: JDU $æiŋ_3$, PIN 筊倒 $ɔiŋ_5=tɔ_3$, XNC $æ_3=tɔ_3$, из-за которой диалект пиннань, скорее всего, переместился из ветви фуин в хоугуань. Наконец, ср. лексему ‘теплый’, которая оказывается соединяющим звеном между диалектами хубэй, цзюду, сяньцунь и фуань: HUB $kɔn_2$, JDU $kɔn_2$, XNC $kɔn_2$, FUA $kɔiŋ_2-(næiŋ_0)$. Все это говорит в пользу того, что кластер хубэй — сяньцунь — цзюду действительно не является ближайшим родственником диалекта собственно г. Ниндэ.

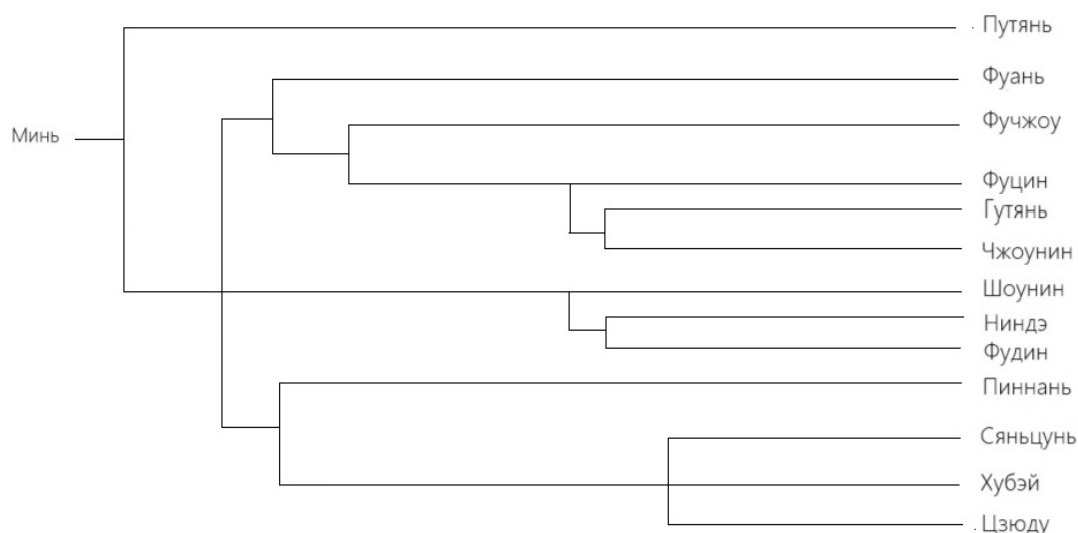

Рис. 3. Текущее генеалогическое дерево восточноминьских диалектов по данным 100-словных списков (включая д. Путянь как «outlier»).

Учитывая, что основные расхождения внутри 100-словного списка по диалектам проходят по линии оформления «главной» корневой морфемы различными префигурируемыми или суффигируемыми «расширителями», в качестве дополнительного эксперимента было решено построить альтернативное дерево, в котором лексемы с одним и тем же главным корнем, но различающиеся вспомогательными морфемами, маркировались бы разными, а не одними и теми же индексами когнации, как если бы они представляли собой полноценные лексические замены. Результаты такого подсчета, намеренно идущего вразрез с постулатами классической лексикостатистики, приведены ниже (рис. 4).

Как видно, при таком подходе внутреннее деление на ветви фуин и хоугуань нарушается намного сильнее, чем дерево, представленное выше. Фактически на новом дереве остаются лишь три устойчивых кластера: (а) хубэй, сяньцунь, цзюду; (б) гутянь,

чжоунин; (в) ниндэ, фудин. Хотя этот результат и приходится считать негативным, он позволяет сделать важное предположение относительно того, что использование тех или иных «расширителей» в ходе трансформации лексической системы плохо подходит в качестве аргумента для генетической классификации (по крайней мере, применительно к китайским диалектам) — реально оно может отражать как ареальные связи, так и независимо протекающие «гомопластические» процессы. Впрочем, эта гипотеза, безусловно, нуждается в дальнейшей апробации на расширенном материале.

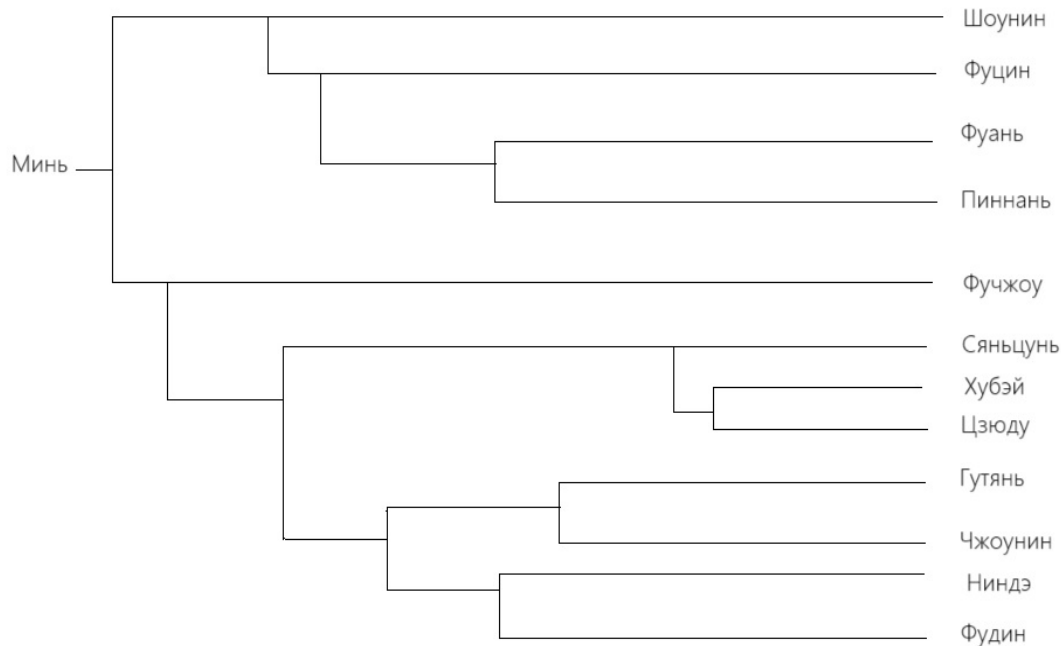

Рис. 4. «Альтернативное» генеалогическое дерево восточноминьских диалектов с различными индексами когнации для однокоренных, но разноморфемных лексем.

Сопоставление с путяньским диалектом

Выше было упомянуто, что отдельный вопрос составляют взаимоотношения путяньского диалекта с миньдунскими диалектами, поскольку на общеминьском генеалогическом дереве он регулярно вклинивался в восточную ветвь. Для начала перечислим путяньские лексемы, совпадающие с общеминьскими⁴² инновациями, чтобы эксплицитно подтвердить отнесение путяньского диалекта к собственно миньской ветви. Видно, что совпадений с общеминьским достаточно, чтобы отвести любые сомнения:

- ‘кусать’: 咬 ko_4 (ср. ПМ 咬 $*\gamma\acute{a}w$)
- ‘черный’: 烏 o_1 (ср. ПМ 烏 $*?o$)
- ‘ноготь’: 指掌甲 $ts^h i\eta_4 = li\eta_2 = \eta o_4$ (ср. ПМ 甲 $*k\grave{a}p$)
- ‘земля’: 土 $t^h ou_2$ (ср. ПМ 塗 $*d^h\bar{o}$ и 泥 $*n\grave{a}j$)
- ‘нога’: 跣 $k^h o_1$ (ср. ПМ 骹 $*k^h\grave{a}w$)
- ‘давать’: 乞 kek_6 ⁴³ (ср. ПМ 乞 $*k^h i\grave{t}$)
- ‘слышать’: 聽 $t^h i e_1$ (ср. ПМ 聽 $*t^h i\grave{e}\eta$)

⁴² Реконструкция общеминьского состояния взята из статьи Лоренц 2020.

⁴³ Накадзима указывает регистровый тон 3, который, вероятно, может соотноситься с 6-м тоном («темный входящий» 陰入; Nakajima 1979: 193).

- ‘убивать’: 劊 *tai*₂ (ср. ПМ 劊 **d^hāi*)
- ‘колено’: 骹腹头 *k^hv₁-pv₂-t^hau*₂⁴⁴ (ср. ПМ 骹 **k^hāw*)
- ‘лист’: 葉 *niau*₃ (ср. ПМ 箬 **ñauk*)
- ‘лежать’: 倒下 *to₁-xa*₂ (ср. ПМ 倒 **tāw*)
- ‘рот’: 嘴 *tshui*₁ (ср. ПМ 嘴 **cjwāj*)
- ‘шея’: 脰顛 *tau*₂-*ly*₁ (ср. ПМ 脰 **d^hōw*)
- ‘ночь’: 暗暝 ▪ *ak₇=ma₄-li*₂ (ср. ПМ 暝 **miēŋ* и 暗 **ʔəm*)
- ‘один’: 蜀 *ʔok*₅ (ср. ПМ 蜀 **ʔok*)
- ‘человек’: 儂 *naŋ*₂ (ср. ПМ 儂 **nāŋ*)
- ‘сказать’: 講話 *koŋ₃-uo*₆ (ср. ПМ 講 **kōŋ* и 話 **wāj*)
- ‘спать’: 睏 *k^hui*₁ (ср. ПМ 睏 **k^hwəŋ*)
- ‘стоять’: 企 *k^hæ*₄ (ср. ПМ 企 **k^hjé*)
- ‘тот’: 彼個 *hæk*₃⁴⁵-*kei*₂ (ср. ПМ 許 **hó*)
- ‘этот’: 這個 *tsek*₃⁴⁶-*kei*₂ (ср. ПМ 茲 **cjɿ*)

Однако при сопоставлении путяньских форм с восточноминьскими инновациями совпадений обнаружено не было, ср.:

- ‘много’: ВМ **sε₆*, но путянь 齊 *ʔei*₄;
- ‘маленький’: ВМ 嫩 **nɔŋ₅*, но путянь 細 *ʔek*₄.

Помимо этого, архаизм ‘собака’ (КДК 犬 **k^{hwo}in*) в путяньском диалекте также отсутствует, что можно считать дополнительным свидетельством о непринадлежности его к миньдунской ветви.

В то же время путяньский диалект не разделяет и южноминьские инновации, ср.:

- ‘мясо’: ЮМ *bak*₇, но путянь 肉 *næk*₅;
- ‘шея’: ЮМ 頷 *am*₃, но путянь 脰顛 *tau*₂-*ly*₁.

Напротив, немногочисленные эксклюзивные инновации скорее являются весомым аргументом для выделения диалекта путянь в независимую ветвь:

- ‘кто’: путянь 何儂~許儂 *hŋ₁-ŋaŋ*₂;
- ‘червяк’: путянь *niau*₄=*æ*₃.

Таким образом, как минимум на основании анализа 100-словного списка путяньский диалект не показывает никакой специфической близости ни к восточно-, ни к южноминьской ветви, что говорит о необходимости выделения его в особую подгруппу миньской клады. Возможно, какие-то более точные классификационные выводы удастся получить при расширении материала анализа как минимум до 200-словных списков.

Литература

- Лоренц, М. М. 2020. Анализ базисной лексики диалектов группы Минь и реконструкция праминаньского 100-словного списка. *Вопросы языкового родства* 18/1-2: 126–169.
- Старостин, Г. С. 2013. К проблеме двух собак в классическом китайском языке: *canis comestibilis* vs. *canis venaticus*? В: Н. П. Гринцер и др. (ред.). *Institutionis Conditore: Илье Сергеевичу Смирнову. Orientalia et Classica*, Vol. L: 253–267. Москва: РГГУ.
- Старостин, С. А. 1989. *Реконструкция древнекитайской фонологической системы*. Москва: Наука.

⁴⁴ Лексема указана согласно данным электронного словаря 興化語記 *Xinghua yuji*, ввиду лакуны в основном источнике.

⁴⁵ Автор указывает регистровый тон 5, который, вероятно, соотносится с тоном 3 (восходящий 上聲). На сайте электронного словаря по путяньскому диалекту *Xinghua yuji* также указывается тон 3.

⁴⁶ Аналогичная ситуация, см. выше.

References

- Cài, Guómèi (蔡国妹). 2006. *Púxiān fāngyán dùxìng fāngyán de tèzhēng* (蒲仙方言渡性方言的特征): 申請文學博士。 Fúzhōu: Fújiàn shīfàn dàxué (福建師範大學)。
- Chén, Zhāngtài, Rúlóng Lǐ (陳章太, 李如龍). 1991. *Mǐnyǔ yánjiū* (閩語研究). Beijing: Yǔwén chūbǎnshè (語文出版社)。
- Dèng, Xiǎohuá (鄧曉華). 1994. Nánfāng hànǔ zhōngde gǔnándǎo yǔ chéngfèn (南方漢語中的古南島語成分). *Minority Languages of China* (民族語文) 3: 36–40.
- Dǒng, Zhōngsī (董忠司). 1993. Yǒuguān táiwānhuà tsa1 pɔ1, tsa1 bɔ2 tànyuán wèntí — shìlùn kěnéng shì mǐnyuèyǔ cánliúde yīgè hénjì (有關臺灣話tsa1 pɔ1, tsa1 bɔ2 探源問題——試論可能是閩越語殘留的一個痕跡). In: *Dìsānjièguójì mǐnfāngyán tāolùnhuì huìyì lùnwénjí* (第三屆國際閩方言討論會議論文集): 99–106. Xianggang: Xiānggǎng zhōngwén dàxué (香港中文大學)。
- Féng, Àizhēn (馮愛珍). 1993. *Fúqīng fāngyán yánjiū* (福清方言研究). Beijing: Shèhuì kēxué wénxiàn chūbǎnshè (社會科學文獻出版社)。
- Hinghwa Dialect Digital Dictionary Project. Available on-line at: <https://hinghwa.cn>.
- Hiroyuki, Akitani (秋谷裕幸). 2018. *A phonological history of the Ningde dialect of Eastern Min*. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica.
- Hiroyuki, Akitani (秋谷裕幸). 2020. *Mǐndōng sì xiàn xiànshì fāngyán diào chá yánjiū* (閩東四縣市方言調查研究). Shanghai: Shànghǎi jiàoyù chūbǎnshè (上海教育出版社)。
- Hóu, Jīngyī (侯精一). 2002. *Xiàndài hànǔ fāngyán gài lùn* (現代漢語方言概論). Shanghai: Shànghǎi jiàoyù chūbǎnshè (上海教育出版社)。
- HYDC = *Hànyǔ dà cídiǎn* (漢語大詞典). 1993. Shanghai: Shànghǎi císhū chūbǎnshè (上海辭書出版社)。
- Kassian, Alexei, George Starostin, Anna Dybo, Vasily Chernov. 2010. The Swadesh wordlist: an attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship* 4: 46–89.
- LACD = Cao Zhiyun (ed.). *The Linguistic Atlas of Chinese dialects. 2nd edition: Chinese dialect volume* (中國語言地圖集第二版: 漢語方言卷). 2012. Beijing: Shāngwù yìnshūguǎn chūbǎnshè (商務印書館出版社)。
- Li, Fang-kuei. 1977. *A handbook of comparative Tai*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Lǐ, Rúlóng, Yùzhāng Liàng (李如龍, 梁玉璋). 1994. *Fúzhōu fāngyán cídiǎn* (福州方言詞典). Fuzhou: Fúzhōu rénmín chūbǎnshè (福州人民出版社)。
- Lǐ Bīn (李濱). 2014. *Mǐndōng gǔtián fāngyán yánjiū* (閩東古田方言研究). Xiamen: Xiàmén dàxué chūbǎnshè (廈門大學出版社)。
- Lín, Hánshēng (林寒生). 2002. *Mǐn dōngfāng fāngyán cíhuì yǔfǎ yánjiū* (閩東方言詞匯語法研究). Kunming: Yúnnán dàxué chūbǎnshè (雲南大學出版社)。
- Liú Zǔbì, Hè Wèi (劉祖陞, 賀魏). 1998. *Fújiànshěngzhì fāngyánzhì* (福建省志方言志). Beijing: Fāngzhì chūbǎnshè (方志出版社)。
- Lorentz, Marina. 2020. Analysis of Min basic lexicon and reconstruction of the Swadesh wordlist for Proto-Min. *Journal of Language and Relationship* 18/1-2: 126–169.
- Macklay, Robert Samuel, Caleb Cook Baldwin. 1898. *An alphabetic dictionary in the Foochow dialect*. Foochow: Methodist episcopal mission press.
- Méi, Zǔlín (梅祖麟). 1999. Jǐge Táiwan mǐnnánhuà chángyòng xūcí de láiyuán (幾個台灣閩南話常用虛詞的來源). In: Ting, Pang-Hsin (ed.). *Contemporary Studies on the Min dialects. Journal of Chinese Linguistics Monograph series* 14: 1–41. Berkeley: University of California.
- Nakajima, Motoki. 1979. *A comparative lexicon of Fukien dialects* (福建漢語方言基礎語彙集). Tokyo: Tōkyō Gaikokugo Daigaku Ajia · Afurika gengo bunka kenkyūjo.
- Norman, Jerry, Tsu-lin Mei. 1976. The Austroasiatics in ancient South China: Some lexical evidence. *Monumenta Serica* 32: 274–301.
- Norman, Jerry. 1977–1978. *A preliminary report on the dialects of Mintung*. *Monumenta Serica*, Vol. XXXIII: 326–348.
- Norman, Jerry. 1979. The verb 治 — a note on Min etymology (閩語里的“治”字). *Fangyan* 3: 179–181.
- Norman, Jerry. 1983. Some ancient Chinese dialect words in the Min dialects. *Fangyan* 3: 202–211.
- Norman, Jerry. 1991. The Min Dialects in Historical Perspective. *Journal of Chinese Linguistics* 3: 323–358.
- Ngai, Sing-sing. 2015. On the origin of special numerals for 'one' in south-eastern China: [kei213] in the western Min dialect of Shaowu. In: H. Chappell (ed.). *Diversity in Sinitic languages*: 190–225. Oxford University Press.
- Schuessler, Axel. 2007. *ABC etymological dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawaii Press.

- Shorto, Harry L. 2006. *A Mon-Khmer Comparative Dictionary*. Canberra: Pacific Linguistics.
- Starostin, George. 2013. К проблеме двух собак в классическом китайском языке: *canis comestibilis* vs. *canis venaticus*? In: N. P. Grintser et al. (eds.). *Institutionis Conditori: Ilje Sergeevichu Smirnovu. Orientalia et Classica*, Vol. L: 253–267. Moskva: RSUH Publishers.
- Starostin, George. 2019. Chinese basic lexicon from a diachronic perspective: implications for lexicostatistics and glottochronology. *Journal of Language Relationship* 17/1–2: 153–176.
- Starostin, Sergei A. 1989. *Rekonstruktsiia drevnekитайской fonologicheskoi sistemy [Reconstruction of the Old Chinese phonological system]*. Moskva: Nauka.

Marina Lorentz. Classification of Eastern Min dialects and reconstruction of the 100-item wordlist for Proto-Eastern Min

In this paper, I propose an updated classification of the Eastern Min subgroup of the Sinitic family, based on its basic vocabulary, along with the onomasiological reconstruction of the 110-item Swadesh list for Proto-Eastern Min. A layer of Austroasiatic vocabulary, detected in the Eastern Min basic vocabulary, confirms the possible existence of an archaic substrate in the modern area of distribution of the dialects in question, leaving traces at the lexical level. A new phylogenetic tree confirms, with some minor deviations, the two traditionally accepted sub-branches (Funing and Houguan), previously based on phonetic criteria. The research also examines the relationship of the Eastern group with Putian dialect, confirming its independent status due to the lack of common innovations with the Southern and Eastern branches of Min.

Keywords: dialectology; Old Chinese language; Middle Chinese language; Min dialects; Eastern Min dialects; Putian dialect; lexicostatistics; basic lexicon.